

ОТДѢЛЪ I.

Этнологическій очеркъ Зырянъ.

ГЛАВА I.

Природа мѣстности.

Этнографъ, ѣдущій по Вычегдѣ, смотря на угрюмые лѣса и рѣдкія ела съ палубы парохода, догадывается, что здѣсь жизнь расположена въ одну линію—вдоль рѣки, культурная часть мѣстности имѣетъ одно измѣреніе, а не два. Въ „холодной дачѣ“, какою кажется ему эта мѣстность, между рѣками нѣтъ жизни — тамъ лѣса и болота. Недаромъ сами Зыряне другія части Россіи называютъ „Пасьвыдъ—мѣста“—широкія мѣста. Здѣсь нѣтъ фабрикъ и заводовъ, которые даютъ жизни разнообразіе, нѣтъ шоссеиныхъ дорогъ, рѣка и лѣсная дорога возлѣ рѣки—вотъ пути сообщенія. Земледѣліе однообразно—трехпольной системы, и только вдоль рѣки, остальная страна эксплуатируется охотой. Лишь въ послѣднее время тамъ и сямъ производится рубка и сплавъ лѣса, нѣсколько оживляющіе край.

Такое простое явленіе, т. е. то, что жизнь здѣсь пока возможна только вдоль рѣки имѣетъ важное, по моему мнѣнію, значеніе для психологіи народа. Эта жизнь ничего не создаетъ ни въ наукѣ, ни въ поэзіи, ни въ промышленности,—здѣсь живетъ ровный, умный народъ, уклоненія невозможны; человекъ, болѣе впечатлительный, чѣмъ средній, со способностями, отличными отъ нормы, долженъ отсюда бѣжать или подпасть подъ власть алкоголя, потому что ему некуда примѣнить особенности психическаго склада. „Отъ насъ ученый бѣжить далеко“, говорятъ Зыряне. „Вино насъ погубило“, говорятъ они всѣ, кромѣ ровно-умныхъ, средне-зажиточныхъ крестьянъ-охотниковъ: они—норма страны. Здѣсь невозможна никакая интеллигенція, пока промышленность не сдѣлаетъ эту жизнь болѣе разнообразною.

Такова здѣсь культурная жизнь человекъ, она однолинейна. Но есть здѣсь и нѣчто другое—лѣсная жизнь. Лѣса наполняютъ почти все простран-

ство. Они—мѣсто охоты и подвиговъ, они—источникъ мистицизма и поэзіи. Лѣса не стѣнены рѣками, они безпредѣльны, и они развили чрезвычайную подвижность характера зырянина. Какъ мало въ немъ общественнаго ума, также много дикой, стихійной силы. Сколь робокъ зырянинъ въ общественно-культурномъ отношеніи какъ воспитанникъ узкой, въ одну линію расположенной жизни, столь же онъ смѣлъ и отваженъ, какъ охотникъ, какъ человѣкъ отхожихъ промысловъ, „онъ сынъ просторныхъ, вольныхъ лѣсовъ“.

При разсматриваніи природы мѣстности важно поэтому имѣть въ виду эти два фактора—однолинейность въ расположеніи сель и деревень, обусловленная суровостью климата и отдаленностью мѣстности отъ промышленныхъ центровъ, и обширные лѣса, покрывающіе страну. Второй факторъ, быть можетъ, важнѣйшій и на немъ поэтому нужно остановиться подробнѣе.

Какое впечатлѣніе производитъ лѣсъ на зырянина, видно уже изъ того, съ какою любовью относится онъ къ нему и къ его особенностямъ, какое обиліе названій имѣется для этихъ особенностей лѣса. Такъ, напр. возвышенноровное мѣсто, покрытое елью, называется прама. Этимъ же именемъ называется невысокое мѣсто, сухое, покрытое елью и окруженное возвышенностями (отъ этого слова „парма“ г. Лыткинъ производитъ слово Пермь). Ровное мѣсто съ елью называется чѣтчокос. Сырое мѣсто, гдѣ растетъ береза—и ѳнѳдъ, сухое мѣсто, покрытое березой, расъ; возвышенное мѣсто, гдѣ сосны,—ягъ (не отсюда ли баба-яга?): холмикъ, гдѣ сосны, давъ; холмъ среди нормы гринѳкъ, террасовидное мѣсто—керѳе и т. д. Все это отмѣчалось Зыряниномъ, изучалось съ большой любовью, вліяло на его душу. Каждая рѣчка въ лѣсу, каждый ручеекъ, каждая горка имѣютъ названія. Послѣднія часто кончаются на слоги: ю (рѣчка) и йоль (рѣчка). Не только всѣ животныя и птицы носятъ зырянскія имена, но и цвѣты и грибы тщательнѣе изучены и псименованы. Все это свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ вниманіи зырянина къ содержанію и жизни лѣса.

Дремучій лѣсъ далъ шаманству Зырянъ опредѣленное направленіе. Богъ лѣса—вѳрса—заялъ центральное мѣсто между богами, если не по могуществу, то по близости къ человѣку. Теперь, когда всѣ старые боги забыты, богъ лѣса еще играетъ огромную роль въ ихъ повѣртіяхъ, въ суевѣрныхъ разсказахъ. Онъ нѣтъ, нѣтъ, да и появится со своею собакою между охотниками и закричитъ: тѳт, тѳт! такъ влечетъ онъ свою собаку.

Своеобразный мистицизмъ Зырянъ обязанъ своимъ развитіемъ лѣсу и охотѣ. Дремучій лѣсъ всегда полонъ неожиданностей, напастей и бѣдъ, онъ развиваетъ въ человѣкѣ мысль о величіи и важности существующаго, съ другой стороны—недовѣріе къ видимости чего бы то ни было. Намѣреваясь изложить значеніе охоты для выработки міросозерцанія немного ниже, здѣсь

скажу только, что лѣсъ впервые, быть можетъ, научилъ зырянина заговору. Въ лѣсу можно поставить такіе знаки (что и дѣлается), благодаря которымъ вы можете вернуться тѣмъ же путемъ, какимъ шли, тогда какъ никто другой не можетъ читать этихъ знаковъ. Является мысль о секретѣ, о заговорѣ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ Зыряне. Произносятся разныя заклинанія въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, близъ сосны, на берегу ручья, человекъ замѣчаетъ время и мѣсто и потомъ узнаетъ, что слова его измѣнили это дерево, тотъ ручей. Такъ вырабатывается взглядъ, что слово измѣняетъ предметы своей таинственной силой, скрытой въ немъ. Вырабатывается характерная черта мистицизма Зырянъ.

Не только крупныя свойства лѣса, но и мелкія особенности его, въ родѣ того, что въ немъ легко можно заблудиться, были опоэтизированы и мифифицированы. Такъ народъ говоритъ, что въ лѣсу растутъ цѣлебныя травы (никонова трава, адамова голова, грыжная трава). Но часто бываетъ, говорятъ, что разъ найдемъ то мѣсто, гдѣ онѣ растутъ, а другой разъ туда же придемъ, да не увидишь этого мѣста, „не показывается“.

Такъ какъ горъ (высокихъ) у Зырянъ нѣтъ, ни озеръ (одно лишь небольшое озеро Сымты у верховьевъ Вишеры), то кромѣ лѣса и довольно крупныхъ рѣкъ, ничто не развиваетъ ихъ предприимчивости, отважности, мужества. Но эти факторы — лѣсъ и довольно большія рѣки — сдѣлали свое дѣло. Это видимы мы на томъ, какъ отличается Зырянинъ отъ Вотяка, который столь близокъ по языку къ Зырянину и отъ Финна, живущаго среди скалъ и озеръ Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ это сравненіе даетъ намъ возможность понять психологическое значеніе лѣса въ исторіи Зырянъ съ новой точки зрѣнія.

Зыряне предприимчивы, отважны, космополитичны; вотяки не предприимчивы, робки, любятъ свой домашній очагъ болѣе всего. Почему это? Финны скалистой Финляндіи настойчивы, терпѣливы, чрезвычайно любятъ свою угрюмую страну, Зыряне хотя тоже настойчивы, но не такъ послѣдовательны, болѣе увлекающіеся и стремятся куда то вдаль отъ своей родины — въ Сибирь, въ Вятскую губ. и т. п. Зыряне, Финны, Вотяки — всѣ они финскаго племени, одной урало-алтайской расы, что видно изъ ихъ языка съ одинаковыми корнями, одинаковаго строенія, между тѣмъ психологія ихъ весьма различна.

Мнѣ кажется, обзоръ мѣстностей, гдѣ они живутъ, въ нѣкоторой степени объясняетъ намъ эту разницу въ ихъ характерахъ. Вотяки живутъ на маленькихъ рѣчкахъ и на верховьяхъ рѣкъ (на Чепцѣ, на Ижѣ и т. д.). Они не имѣя большихъ лѣсовъ для охоты, главнымъ образомъ — земледѣльцы и, стѣсненные судьбою, утратили прежнюю отвагу, живя на маленькихъ рѣчкахъ, охотничая въ небольшихъ лѣсахъ. Зыряне живутъ на Печорѣ, на Ижмѣ, Вычегдѣ, на рѣкахъ, довольно большихъ, окруженные без-

предѣльными лѣсами; гдѣ полный просторъ для охотниковъ, на лыжахъ пересѣкающихъ эти дремучія чащи. Большія рѣки развиваютъ отважность и предприимчивость; далекая охота, въ сотняхъ верстъ отъ роднаго угла, дѣлаетъ человѣка чуждымъ домашнему очагу, охота благопріятна для здоровья и развиваетъ смѣлливость и удалство. Отсюда мы видимъ, что мѣстности, гдѣ живутъ Вотяки и Зыряне, объясняютъ разницу характеровъ, давно подмѣченную этнографами. Относительно Финновъ нужно сказать, что они живутъ среди скалъ и озеръ, въ борьбѣ съ суровой стихіей развили свои силы, но, не имѣя большихъ пространствъ для своей дѣятельности, энергію свою употребили не на разширеніе, а на углубленіе своей жизни и, живя въ тѣсномъ пространствѣ, отлично разработали свой уголокъ. Зыряне и Вотяки жили все время при иныхъ условіяхъ, и жизнь ихъ не такъ интенсивна, какъ жизнь финна. Такъ географія разъясняетъ этническую разницу этихъ племенъ, между которыми одно общее—настойчивость. Изъ такого сопоставленія видимъ мы, какое значеніе имѣетъ обширный дремучій лѣсъ на психическій складъ зырянина.

Теперь скажемъ о третьемъ свойствѣ той мѣстности, гдѣ живутъ Зыряне, такъ какъ это свойство тоже имѣетъ вліяніе на психическій складъ человѣка вообще. Это однообразіе пейзажей, однообразіе красокъ и сочетанія линій. Все тѣ же низменные берега рѣки, тѣ же хвой, тѣ же села на холмахъ надъ рѣкою—эти однообразныя картины утомляютъ вашъ взоръ. Рѣка, по берегамъ сосновые лѣса, еловые лѣса, села и т. д. все одно и тоже безъ конца. Невольно думается вамъ, что художественныя способности народа должны быть мало развиты въ этой мѣстности. Звонкіе ручьи въ лѣсахъ, шумъ деревьевъ, пѣніе птицъ, свистъ вѣтровъ могли еще развить музыкальныя способности, но художественности не на чемъ развиться. Такъ оно и есть въ дѣйствительности, хотя отсутствіе художественности обязано не одному этому фактору, но и другимъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Поэтовъ, пѣвцовъ мало между Зырянами, пѣсенъ своихъ у нихъ также мало (я знаю не больше десятка чисто зырянскихъ, хотя заимствованныхъ русскихъ значительно больше). Между тѣмъ замѣчается чрезвычайная любовь къ музыкѣ: что ни село, то и гармонщикъ тамъ. Юноши и дѣти всѣ играютъ. Есть музыкальный слухъ, но мало художественныхъ, словесныхъ концепцій, что необходимо для составленія пѣсни. Сильно чувствуетъ зырянинъ, но чувствамъ нѣтъ исхода ни въ звукахъ, ни въ краскахъ, лишь въ слезахъ и смѣхѣ все выражается и въ необычайной любви къ музыкѣ.

Такимъ образомъ однолинейность жизни, безпредѣльность лѣсовъ, однообразіе природы наложили свою печать на психическій складъ народа. Если прибавить сюда суровый климатъ, съ сугробами снѣга десяти тысячную зиму, можно представить, какимъ суровымъ, трудолюбивымъ, терпѣливымъ и въ

тоже время смѣлымъ, отважнымъ долженъ былъ стать народъ, здѣсь живущій; но есть иные факторы, осложняющіе характеръ человѣка.

ГЛАВА II.

Второй факторъ психическаго развитія народа: занятія народа.

а) Земледѣліе, б) охота. Отрицательное значеніе земледѣлія. Отсутствие поэзіи земледѣлія. Охота—источникъ мистицизма и поэзіи.

Вычегодскіе Зыряне живутъ между 60° и 63° широты въ полосѣ ячменя и отчасти ржи. По берегамъ Выми и Вишеры (сѣв. притоковъ Вычегды), гдѣ береговые холмы большею частью глядятъ на востокъ и на сѣверъ, неурожаи весьма часты, два раза въ 10 лѣтъ. Причины этихъ неурожаевъ—ранніе холода. Нужно прибавить, что и въ урожайные годы здѣсь хлѣба не хватаетъ, и это даетъ понятъ, почему жители Вишеры на смѣху у всѣхъ зырянъ не только за ихъ протяжный говоръ, но и за то, что они всегда были бродягами и нищими, а вымчане слыли за грубыхъ, дивихъ людей. Здѣсь народъ жилъ, конечно, всегда охотой, а теперь ходитъ на заводы въ Пермск. губ. Вычегда тоже не богата хлѣбомъ, только Локчимъ и Сысола (южные притоки Вычегды) имѣютъ достаточно своего хлѣба въ урожайные годы. Въ виду того, что мы здѣсь говоримъ о земледѣліи, какъ о факторѣ психическаго развитія народа, дѣйствовавшемъ много столѣтій, то мы должны брать его въ тѣхъ размѣрахъ, какія имѣло оно у зырянъ въ прошлыя времена. Историческія свѣдѣнія, филологическій анализъ названій предметовъ, входящихъ въ кругъ земледѣлія и др. соображенія показываютъ, что это занятіе у зырянъ въ прошлыя времена едвали было преобладающимъ. Поэтому для анализа его вліянія на характеръ народа я беру земледѣліе, которое имѣемъ въ области Вишеры.

Ѣсть кору пихты—дѣло обычное на Вишерѣ. Одинъ старикъ изъ Шойнаты мнѣ рассказывалъ, что разъ пришло повелѣніе отъ царя, чтобы Зыряне ѣли хлѣбъ изъ ягеля, лишь-бы не умирали. Старикъ дополнялъ, что тотъ и другой хлѣбъ изъ пихты (кач) и изъ ягеля довольно вкусны. Въ послѣднее время впрочемъ, благодаря заводской промышленности Пермск. губ., а нынѣ благодаря Котласко-Пермской жел. дорогѣ, Зырянину даже береговъ Вишеры и Выми не приходится ни воровать, ни „качъ“ ѣсть. Если обратить теперь вниманіе на то, какъ эти частые неурожаи дѣйствовали на умъ и характеръ народа, то нужно сказать слѣдующее. Онъ живетъ на холмахъ, глядящихъ на востокъ и на сѣверъ, знаетъ, что хлѣба у него не хватитъ даже въ урожайный годъ, а на другомъ берегу (чаще на лѣвомъ), онъ видитъ дре-

мучій лѣсъ, болота, полныя дичи, а передъ собой рѣку, текущую въ дальнее море. Народъ, одаренный физической энергіей и не стѣсненный, какъ въ Финляндіи, скалами, заставлявшими во что бы то ни стало побѣдить суровую природу, такой народъ долженъ былъ почувствовать влеченіе вдаль, разлюбить свой унылый домашій очагъ, а не пѣть про семейныя радости, не молиться богамъ земледѣлія; народъ долженъ былъ устремиться въ лѣса или въ промышленныя страны, молиться богу лѣсовъ и воды, дарить ихъ шкурами звѣрей и воспѣвать иные рѣки и города.

Такъ въ дѣйствительности оно и было, такъ оно и есть. Приведу примѣръ изъ жизни села Ыджыдъ-видъ, являющійся характернымъ для зырянъ этой мѣстности.

Сидѣли мужички между заутреней и обѣдней на бревнахъ около церкви и разсуждали о томъ, гдѣ построить домъ священнику. Многіе говорили: „гдѣ хотите, тамъ и стройте, все равно мы здѣсь не жильцы въ своей мѣстности: сегодня завтра, придется уйти намъ всемъ въ Сибирь или куда-нибудь“. Разговоръ былъ печальный, предъ вами апатія къ порядку и благолѣпію своего села вслѣдствіе неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Правда, мудрые изъ крестьянъ возражали первымъ: „построимте, какъ слѣдуетъ, домъ священнику: если не мы, кто-нибудь да будетъ жить здѣсь, пустовать мѣсто не будетъ, поэтому нужно все дѣлать какъ слѣдуетъ“.

Нельзя сказать, что такое настроеніе крестьянъ Вишеры временное, единичное, такъ какъ нельзя доказать, что въ прошломъ земледѣліе было лучше, что не было частыхъ неурожаевъ. Такого рода земледѣліе, гнавшее человѣка отъ дома, не создало никакихъ религіозныхъ повѣствованій, никакихъ пѣснопѣній, никакого земледѣльческаго героя, потому что поэзія религіи, какъ и всякая поэзія, есть выраженіе природы мѣстности, занятій народа и т. п. шести факторовъ, совокупнымъ дѣйствіемъ первыхъ пытаюсь я объяснить характеръ даннаго народа. У Зырянъ нѣтъ и не могло быть „Микулы Селяниновича“, тогда какъ у нихъ есть герой охоты—Йиркапъ. То обстоятельство, что земледѣліе не дало никакихъ поэтическихъ разсказовъ, не оставило никакихъ слѣдовъ мистицизма, является поучительнымъ. Очевидно, земледѣліе мало производило впечатлѣнія на воображеніе народа, которое такъ склонно всякій сколько нибудь поражающій фактъ облечь въ одежды религіознаго мистицизма. А что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народомъ, очень чуткимъ ко всему что можно опозитизировать какимъ-либо суевѣрнымъ разсказомъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Одинъ крестьянинъ села Вишеры передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ. „Ходили искатели рудъ. Они буравами искали всюду мѣди и серебра. Нашли они разъ въ землѣ фигуру въ родѣ ребенка изъ камня и мѣди и поставили ее на бѣлую скатерть, говоря,—мы

нашли нѣчто доброе. На другой день рано утромъ встали, а фигуры въ родѣ ребенка уже и нѣтъ; тогда искатели рудъ начали думать, что это былъ горный хозяинъ—богъ рудъ“. Такимъ образомъ простой фактъ—исканіе руды инженерами создалъ уже мистику, хотя и на той почвѣ, быть можетъ, что древніе зыряне могли вѣрить въ подземныхъ боговъ; но и то удивительно, что земледѣліе ни съ чѣмъ языческимъ не ассоціировалось въ болѣе прочное сказаніе, между тѣмъ охота создала тѣмъ темъ суевѣрныхъ разсказовъ; земледѣліе же ничего.

Но, можетъ быть, земледѣліе, не дѣйствуя на воображеніе, развивало характеръ народа выносливость, терпѣніе?—Во 1-хъ, трудно думать, чтобы развивающее волю человѣка не оставило слѣда въ его воображеніи, во 2-хъ, фактъ извѣстный, что вліяніе земледѣлія было значительно меньше вліянія охоты, на которую времени и силъ въ прошлыя времена уходило несравненно больше, чѣмъ на воздѣлываніе полей. Поэтому, чтобы понять особенности характера зырянина, необходимо тщательнѣе разобрать значеніе охоты, какъ фактора психическаго развитія народа.

Охота была причиною развитія мистицизма къ природѣ, къ животному міру и человѣку, она же создала поэзію лѣса. Какого рода мистицизмъ по отношенію къ природѣ проникаетъ всѣ слова и дѣйствія зырянина?—Тотъ мистицизмъ, что между словомъ человѣка, думою его и событіями природы есть какая то связь. Эта связь таинственная. То обстоятельство, что она теперь объясняется благодатнымъ дѣйствіемъ угодниковъ божіихъ или черною силой демоновъ явленіе сравнительно новое, похристіанское (съ XIV—XV в.в. и позднѣе); по теперешнимъ же суевѣрнымъ разсказамъ о дѣлахъ „лѣсныхъ“, которыхъ зыряне до сихъ поръ не рѣшаются отнести къ демонамъ, бѣсамъ, эта таинственная связь объяснялась дѣйствіемъ многочисленныхъ лѣсныхъ боговъ, живущихъ въ дремучихъ чащахъ семействами, или просто принималась какъ тайна. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимая зависимость между словомъ человѣка и природой и есть ядро мистицизма по отношенію къ природѣ. Отъ слова дерево сохнетъ, ручей измѣняетъ свое теченіе, домъ искривляется. Въ словѣ человѣка заключаются чары, волшебная сила. Отъ дурного слова зеленые листья дерева поблѣднѣютъ, вотъ какова сила слова. Такой мистицизмъ къ природѣ, какъ мы увидимъ, могъ развиваться изъ охотничьей жизни въ дремучемъ лѣсу; не религія языческая была его источникомъ, а наоборотъ, религія скорѣе была слѣдствіемъ мистицизма; или же это—два явленія сопутствующія, взаимно вліяющія. Прослѣдимъ вкратцѣ развитіе мистицизма въ душѣ охотника.

Выходитъ онъ изъ своей охотничьей избушки на охоту и говоритъ тѣ или иныя слова, пожеланія удачи, одѣвается въ томъ или иномъ порядкѣ,

замѣчаетъ тѣ или инныя примѣты. Приходитъ въ дремучій лѣсъ, попадаетъ въ „потокъ бѣлокъ“. Бѣлки куда то скачутъ, съ дерева на дерево цѣлыми стадами, и охотникъ вволю стрѣляетъ, и съ богатой добычей возвращается домой, въ свою избушку. На другой день или вообще въ другое время, охотникъ другія примѣты замѣтилъ, не въ томъ порядкѣ слова сказалъ, лужъ привѣсилъ не такъ, спѣша, и не попалъ онъ въ „бѣличій потокъ“, за цѣлый день убилъ двѣ-три бѣлки и то плохихъ, два-три рябчика, одного клеста (въ голодное время зыряне ѣдятъ послѣднихъ). Въ умѣ охотника готовы заключенія—вотъ какія слова, какія примѣты, какіе первые шаги съ утра пригодны для бѣличьей охоты. Тоже самое относительно зайцевъ, лисицъ, оленей, рябчиковъ и т. д. Всякая охота создала свои заговоры, свои заклинанія. Старые охотники меня увѣряли, что какъ де только прочтешь:

„Ты гой-гой,
Бѣлый заяць,
Не уркнись,
Не отсторонись,
Не отъ меня
Раба Божія
(имя)
Отъ всякаго вздоха
Человѣка чернаго“

и т. д.

заяць самъ прибѣжить въ петлю и на выстрѣлъ. Между словомъ и событіемъ природы есть связь, непонятная для ума, это мистическое отношеніе къ природѣ.

Мистицизмъ собственно къ животному міру обязанъ своимъ развитіемъ отчасти тому, что охота на крупныхъ звѣрей не всегда безопасна. Человѣкъ молится тому, чего онъ боится, о томъ, что отъ него не зависитъ. По этой причинѣ развилась особая тайна „ямъ сибодомъ“. Эта тайна въ частномъ случаѣ, въ охотѣ на медвѣдя, выражается въ слѣдующей формѣ. Передъ охотой на медвѣдя въ лѣсу охотники варятъ въ котлахъ „юм“ (сладкую кашу) изъ ржаной муки; тутъ получается та самая кашаца, изъ которой послѣ скисанія дѣлается квась. Этотъ „юм“ оставляютъ нарочно на улицѣ, передъ чомъ (избушкой), чтобы медвѣдь съѣлъ его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котель пустъ, охотникъ молчитъ, никому не рассказываетъ о случившемся, иначе охота будетъ неудачна. Послѣ того, если охотникъ увидитъ берлогу, онъ хранитъ тоже святое молчаніе, хотя ночью не спится ему: „не онъ спитъ, спитъ только его рубашка“, а онъ вздыхаетъ и думаетъ, какъ пойдетъ охота, какъ „ям“ (жертва) принять. Товарищи,

догадываясь, тихонько говорят: „нашъ товарищъ что то видѣлъ“. Всѣ молчатъ и ждутъ.

Здѣсь видимъ мы таинственную связь между жертвой „юм“ и готовностью звѣря быть жертвой человѣку. Это остатокъ культа животныхъ отъ языческаго періода. Но и самый этотъ культъ развился изъ трудности охоты и мистическаго отношенія къ животному міру, отъ быстрого установленія связи между фактами, въ которыхъ зависимость случайная.

Еще третьяго рода развился мистицизмъ подъ вліяніемъ охоты—въ отношеніи къ человѣку. Слѣдующій маленькій рассказъ введетъ насъ въ суть дѣла.—Въ старину охотничьи артели зырянъ имѣли вожаковъ, знающихъ заговоры. Разъ одинъ вожакъ заколдовалъ, зачаровалъ другую артель и его вожака, и тѣ должны были ходить всю зиму въ засохшемъ лѣсу, гдѣ не было ни звѣрей, ни птицъ, и остаться безъ всякой добычи. Главный чародѣй въ той несчастной артели сказалъ, что если у нихъ лѣсъ сухой и въ немъ не живутъ ни звѣри, ни птицы, то пусть охотники сядутъ за шашечную доску и играютъ въ „доводъ“ (шашки). Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: всю зиму провели, играя въ шашки. Пришло время возвратиться домой. Первая артель съ богатою добычей гордо прошла мимо второй, направляясь къ дому. „Пора домой“, сказала первая артель; „нѣтъ, мы еще заняты игрою въ шашки“, отвѣтила вторая. Первые прошли съ шумомъ и исчезли въ лѣсу, а къ вечеру возвратились къ тому же мѣсту. Долго кружились они, но никакъ не могли выбраться изъ лѣсу. Дѣло кончилось тѣмъ, что первая артель отдала всю свою добычу второй за то только, чтобы вожакъ-чародѣй второй артели позволилъ имъ вернуться домой, открывъ ихъ глаза на лѣсную дорогу.

Что здѣсь видимъ мы?—Борьбу охотничьихъ артелей въ чародѣйствѣ. Такая же борьба всегда была и между отдѣльными охотниками. Если вникнуть во все это, можно догадаться, что борьба волхвованія не что иное, какъ слѣдствіе охоты; что вообще недовѣрчивое отношеніе къ человѣку, взглядъ на него, какъ на существо, могущее причинить словомъ и мыслию ужасныя, непонятныя бѣдствія, что этотъ взглядъ—слѣдствіе изолированной охотничьей жизни при слабой общественной культурѣ. Частное же явленіе—„вошидзь“ (порча)—слѣдствіе этого общаго взгляда, а этотъ взглядъ можетъ быть объясненъ вліяніемъ на воображеніе именно охоты. Охота требуетъ большихъ знаній. Нужно умѣть дѣлать лыжи для себя, длинныя сани (нортъ) для припасовъ, лукъ или пицаль, компасъ; нужно искусно сдѣлать „гес“ (теперь воспрещенный закономъ), нѣчто въ родѣ старинной большой мышеловки, именно: кусокъ бревна падаетъ на птицу, задѣвшую ногою маленькій пруттикъ, когда эта птица проходитъ сквозь сѣтку искусно устроенныхъ палочекъ; для при-

мании птицъ гес посыпается зернами. Далѣе, охотнику нужно, конечно, знать тропу, гдѣ ходитъ тотъ или иной звѣрь, гдѣ ходитъ и ищетъ пищу та или иная птица; охотникъ долженъ умѣть натягивать петли для зайца, угадывать бѣличьи потоки“ и т. д. и т. д. Все это знаніе вмѣстѣ съ таинственными словами составляетъ заговоръ, потому что заговоръ у Зырянъ не только мистическія слова, но также и секретъ какого-нибудь дѣла, искусство удачно выполнить начатое предпріятіе. Я расскажу примѣръ, изъ котораго будетъ ясно, что такое заговоръ.

Недалеко отъ села Вишеры, на берегу маленькаго озера, возвышается интересный холмъ подъ названіемъ „Кар-Мылькь“ (городъ холмъ). Народъ утверждаетъ, что внутри этого холма имѣются разныя рѣдкости—старинные, чудскіе топоры, ножи и т. п., быть можетъ, и чудскія овалныя серебряныя деньги. Я собирался прорыть этотъ холмъ. Тогда ко мнѣ является одинъ крестьянинъ и говоритъ, что онъ видѣлъ сонъ о горѣ „Кар-Мылькь“. Во снѣ черный человѣкъ ему сказалъ, что затѣя прорыть холмъ совершенно бесполезна, потому что мы не знаемъ заговора. А этотъ заговоръ состоитъ въ томъ, что нужно взять газетный листъ и разостлать на этомъ холмѣ, покрыть его черной скатертью, затѣмъ взять паутину тремъ человѣкамъ за три угла и такъ передергивать, тогда потаенная дверь сама откроется, и найдутся деньги въ бочкахъ, эти деньги не чудскія, а разбойничьи. Итакъ мы видимъ, что заговоръ—есть секретъ, тайное знаніе, а не только могущественное слово. Всякій охотникъ обладаетъ секретными знаніями: онъ умѣетъ испортить ружье своего сосѣда, отнять охотничье чутье у собаки, давши понюхать ей вреднаго вещества, умѣетъ исправить ту же собаку, выпустивши ей кровь изъ носу иглою и т. д. Каждый охотникъ для другого охотника кажется носителемъ всякихъ, явныхъ и секретныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ дремучемъ лѣсу въ одинокой лѣсной жизни, гдѣ воображеніе каждаго сильнѣе работаетъ. Поэтому является довѣріе и недовѣріе къ сосѣду, смотря по тому, расположенъ-ли онъ къ вамъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ существуетъ чрезвычайное вниманіе къ его словамъ, заключающимъ намеки на разные секреты. А отъ напряженнаго вниманія къ скрытому значенію словъ, произносимыхъ въ дремучемъ лѣсу среди боговъ и звѣрей уже недалеко для некультурнаго человѣка до признанія за словомъ таинственной, необычайной силы. Такъ „хитрая“ охота развиваетъ въ охотникѣ, который постоянно слышитъ таинственный шумъ лѣса и гулкій говоръ ручьевъ, мистическій взглядъ на человѣка, что онъ есть носитель тайнъ всякихъ, полезныхъ и вредныхъ силъ. Изъ этого взгляда развивается понятіе „вошидзь“ — порча, о чемъ мы скажемъ немного ниже.

Такимъ образомъ, мистицизмъ Зырянъ, какъ мистицизмъ и другихъ

прежде шаманствовавших инородцев не столько их расовое свойство, сколько слѣдствие их охотничьяго быта. Между тѣмъ, юристы и медики, имѣвшие дѣло съ Зырянами, выражали взглядъ, что мистицизмъ этого племени такъ глубокъ, что долженъ считаться расовымъ ихъ свойствомъ. Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла, на вліяніе охоты на воображеніе человѣка и на его поэтическія струны, тѣмъ болѣе, что охота у Зырянъ единственный источникъ поэзіи и съ паденіемъ ея исчезнетъ поэзія народа, оставивъ вмѣстѣ съ промышленностью и комфортомъ жалкій, безцвѣтный матеріализмъ. Поэзія, какая только есть у Зырянъ, это поэзія лѣса. Въ краткихъ поэмахъ, въ суевѣрныхъ разсказахъ героями являются охотникъ, лѣсной богъ, его жена, собака лѣсного бога и собака охотника; дѣйствіе происходитъ всегда въ дремучемъ лѣсу. Правда, имѣются сказки иного рода, но можно утверждать объ этихъ сказкахъ, что онѣ заимствованы или отъ Русскихъ или съ востока; имѣются еще зырянскія бытовья пѣсни, но оригинальныхъ очень мало, большинство—заимствованныя русскія. Лѣсная поэзія является среди Зырянъ единственною, если еще не принять въ расчетъ нѣсколько сказокъ, весьма старинныхъ, указывающихъ, на ихъ древнихъ боговъ — Енъ, богъ солнца, луны, радуги и т. п., и нѣсколько присказокъ въ вопросоотвѣтной формѣ.

Въ краткихъ поэмахъ и суевѣрныхъ разсказахъ выводится Йиръ-Капъ—охотникъ, который сдѣлалъ себѣ волшебныя лыжи изъ чудесно струящаго кровь дерева. Эти лыжи сами мчались, лишь только герой ставилъ въ нихъ свои ноги. Трудная охота на оленей казалась ему очень легкою. Пока топилась печь въ его избѣ, онъ ѣздилъ при помощи своихъ лыжъ рыбачить на озеро Съимты. Въ другихъ разсказахъ рисуется охотникъ неудачливый. Онъ стрѣляетъ бѣлку и все неудачно и зоветъ на помощь къ себѣ „лѣсного бога“. Тотъ,—высокій ростомъ мужчина въ синемъ кафтанѣ, является со своею собакою и сразу застрѣливаетъ бѣлку, скажетъ „на, бери, дядя“, и исчезнетъ въ лѣсной чашѣ. Проглядываетъ иногда въ суевѣрныхъ разсказахъ и недовѣріе къ „лѣсному“ и даже, вѣроятно, подѣ вліяніемъ христіанства враждебное чувство. Такъ разсказывается, что изъ-за хвастливаго слова охотника разъ „лѣсные“ стали бросать въ слуховое окно охотничьей избушки мертвыми бѣлками. Если бы охотникъ не догадался, по совѣту брата, крестить лапы бросаемыхъ бѣлокъ, то онъ былъ бы задушенъ ихъ массою. Такъ какъ охота требуетъ не только смѣлости и удалства, но и знанія заговоровъ, то въ числѣ разсказовъ изъ лѣсной жизни встрѣчаются и такіе, которые говорятъ о людяхъ, знающихъ страшныя заговоры. Тювѵ—колдунъ жилъ въ густомъ лѣсу и былъ всемъ воноваламъ коноваль“. Онъ зналъ такіе сильныя заговоры, что для усвоенія ихъ нужно отказаться отъ солнца и луны, проклясть

свѣтъ дневной, мать и отца своихъ. Шыбича — другой чародѣй, который ѣздилъ на парѣ лошадей и спускался вмѣстѣ съ ними въ рѣку, подѣ ледъ и, проѣхавъ нѣсколько верстъ подѣ водою, выѣзжалъ изъ проруби обратно на ледъ.

Преданія и рассказы, гдѣ говорится объ охотникахъ, колдунахъ, о лѣсномъ богѣ, и составляютъ лѣсную поэзію Зырянъ. Подробный ея анализъ, тщательное сопоставленіе ея содержанія съ содержаніемъ поэзіи другихъ финскихъ племенъ и вообще съ сѣвѣрной поэзіей потребуетъ много времени и мѣста, поэтому здѣсь я долженъ отказаться отъ описанія и характеристики словесности Зырянъ и удовольствоваться только констатированіемъ факта, что самобытная ихъ поэзія обусловлена почти исключительно охотой; чародѣйство и древніе высшіе боги солнца и луны только нѣсколько оживляютъ однообразное содержаніе суевѣрныхъ рассказовъ о походахъ охотниковъ.

Итакъ, охота — истинный источникъ мистицизма и поэзіи Зырянъ. Охота же въ дремучихъ лѣсахъ развила, какъ мы уже видѣли, подвижность, космополитизмъ и предпримчивость этого племени. Перехожу къ третьему фактору, измѣняющему психическій складъ народа.

ГЛАВА III.

Третій факторъ психической жизни — древняя культура народа

а) домашняя жизнь Зырянъ въ старину. б) малое развитіе общественности, в) изолированность Зырянъ, лишившая ихъ матеріала для развитія социальныхъ понятій.

Какая была культура у Зырянъ въ тѣ старыя времена, до которыхъ доходитъ филологическій анализъ словъ — названій домашней утвари, разныхъ вещей матеріальной культуры? Какая культура могла быть подѣ ярко искрестымъ, блистающимъ далекими холодными звѣздами, блѣдно-голубымъ небомъ, въ дремучихъ лѣсахъ, полныхъ снѣжными сугробами, въ странѣ бездорожной, малолюдной, еле озаряемой въ зимніе дни румянымъ солнцемъ, на какой-нибудь часъ выходящимъ на горизонтъ, теряющійся въ синихъ лѣсахъ? Какую культуру можетъ создать народъ у лѣвивыхъ рѣкъ, однообразно и плавно текущихъ по песчаному руслу среди мелей и уныло-монотонныхъ береговъ, — живя посреди сосенъ и елей, среди овода и хищныхъ звѣрей? Что думалъ этотъ народъ, когда порою случалось ему смотрѣть на солнце и луну, часто скрываемаыя зимнимъ и ночнымъ мракомъ? что слышалъ онъ въ шумѣ водъ лѣсныхъ ручьевъ и рѣчекъ въ свистѣ вѣтра между вѣтвями столѣтнихъ деревьевъ? Кому молился онъ, о чемъ плакалъ и вздыхалъ дитя — на-

родъ, одиноко живя вдали отъ историческихъ странъ, питая душу своеобразной мистикой? Бродя по болотамъ и собирая ягоды и грибы по холмамъ, канія мечты лелѣялъ онъ, какими заботами былъ удрученъ?

Знаніе современныхъ Зырянъ, ихъ культуры, ихъ языка, повѣрій и сказокъ, и сосѣдей Зырянъ-Самоѣдовъ, Остяковъ дадутъ возможность въ отвѣтъ на эти вопросы нарисовать блѣдную картину ихъ прошлой жизни.

Зыряне жили въ маленькихъ избушкахъ, построенныхъ безъ всякаго порядка. Избушка Зырянина состояла изъ 3-хъ частей. Въ одной части жила семья въ другой хранились вещи, и эта часть наз. „кумъ“; въ третьей части помѣщался домашній скотъ, и эта часть наз. „карта“. Для молодыхъ животныхъ устраивался „гидъ“. Въ жилую избу вели нѣсколько ступеней—съ улицы (пос); внутри жилой избы не было печи, ни бѣлой, ни черной, а была каменка, полусферической формы, сложенная изъ песчаника и др. камней. Эта каменка наз. „горъ“. (Такъ именно можно думать потому; что слово п а ч, названіе печи, есть видоизмѣненное русское слово печь: заимствованъ былъ предметъ, а съ нимъ вмѣстѣ и слово. Это во-1-хъ, во-2-хъ, въ баняхъ, въ овинахъ, въ охотничьихъ избушкахъ въ недавнія времена вездѣ устраивалась каменка „горъ“). Въ каменкѣ, выстроенной въ жилой избѣ, варилась пища, дымъ выходилъ въ дымовое окно подъ полатями. Это-то дымовое окно, въ которое въ моментъ рожденія дѣтей ходили духи, доброжелатели и зложелатели дитяти (повѣріе о дымовомъ окнѣ до сихъ поръ существуетъ). Въ одномъ углу жилой комнаты была каменка, въ другомъ ручная мукомолка, состоящая изъ двухъ, одинъ на другой сложенныхъ жернововъ: нижній прикрѣпленъ неподвижно къ столнику, верхній вращается; для удобства вращенія къ послѣднему придѣлывалась деревянная ручка, приврѣпленная однимъ концомъ въ полатямъ или къ пару, другимъ къ жернову. Такия мукомолки еще и теперь можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ глухой мѣстности по Вишерѣ или Локчимъ, хотя всюду уже построены теперь водяныя мельницы. Ручная мукомолка наз. по зырянски „горт-из-ки“ (домашній ручной камень).

Стѣны (берд) и потолокъ (йиркъ) жилой избы были густо покрыты сажей и были гладки, какъ зеркало; на полу, на соломѣ на обрубкахъ (джекъ) бревенъ играли дѣти, тамъ же жили телята и ягнята. Хозяйка дома на прялкѣ (печканъ) прядла нитки и на „дзявья“ приготавлила „сюри“ для тканья. На ней длинная холщевая рубашка, на шеѣ „сикѳч“ (бусы), на ногахъ „кыс“. Обувь „кыс“ приготавлилась изъ кожи переднихъ ногъ лошади. Вмѣсто чулокъ у зырянки „черес“ изъ самотканнаго сукна. „Червѳню“ она подпоясана. Выходя на улицу, Зырянка надѣваетъ бурога цвѣта „сукманъ“ (основа его изо льна, выткано изъ шерсти, въ праздники Зыряне носили „дукѳс“

у котораго и основа изъ шерсти). На хозяйнѣ тоже холщевая рубашка и шаровары. Онѣ подпоясывается кожанымъ ремнемъ, повѣсивъ спереди у него „бива“—это кожаный мѣшочекъ, въ которомъ хранится сталь, камень для добыванія огня, трутъ (чакъ) — грибъ, растущій на березовомъ пнѣ; въ „бива“ же хранятся и деньги. Собственно слово „бива“ обозначаетъ огонь—вода, значитъ, все въ этомъ мѣшочкѣ. Хозяинъ-охотникъ сверху надѣваетъ шубу, покрытую холстомъ (а въ морозы—малицу изъ оленьей шкуры), беретъ лукъ и на оленьихъ лыжахъ идетъ на охоту, развѣсивъ на себѣ разные припасы, таща за собою длинный „норт“. Такова обстановка Зырянина и Зырянки въ старыя времена.

Изъ домашняго скота у нихъ были лошади, овцы, коровы. Лошадки маленькія быстрыя, похожія на чухонскихъ и черемисскихъ; коровы комоля „зырянки“, овцы маленькія, свиней не было. Слово „порсъ“—названіе свиньи отъ русскаго слова поросенокъ (Алвистъ такого же мнѣнія).

Въ избахъ вмѣсто оконъ были маленькія отверстія въ стѣнѣ на разныхъ высотахъ отъ поверхности земли, вмѣсто стеколъ въ нихъ „рушку“—рубецъ коровы. Во второй половинѣ жилой комнаты въ „кум“ хранились земледѣльческія орудія: серпъ (чарла), косы не было, соха (гѳр), борона (пиня); охотничьи принадлежности, рыболовные снаряды: вуломъ, ботанъ, азыласъ. Кудомъ и ботанъ—сѣти, азыласъ—особый снарядъ для ловли рыбъ ночью, когда онѣ спятъ подъ водою. Азыласомъ прокалываютъ рыбъ и вытаскиваютъ ихъ изъ воды въ лодку. Въ „кум“ же хранились и праздничныя одежды.

Нѣсколько только что описанныхъ зырянскихъ избушекъ составляли деревню, которую охраняли вѣрные друзья Зырянина—охотничьи собаки особой сѣверно-финской породы.

Около избушекъ стояли бани, овины чрезвычайно простаго устройства съ камнями изъ песчаниковъ. Въ банѣ, читая заговоры, Зырянинъ вылеживался отъ всѣхъ болѣзней. Возвращался оттуда, испытавъ невыносимый жаръ отъ раскаленныхъ камней, въ свою избушку безъ шапки, босякомъ по глубокому снѣгу, безъ верхней одежды, посматривая на небо, что бы по звѣздамъ угодать и время ночи и завтрашнюю погоду.

Кромѣ маленькихъ деревушекъ у Зырянъ были тамъ и самыя большія села и около нихъ кумирницы, полныя мѣдныхъ и деревянныхъ боговъ—лѣса, воды, огня и т. д. Были священныя березы, всегда украшенныя шкурами звѣрей. Деревни и села строились по берегамъ рѣкъ. Онѣ были окружены дремучими лѣсами. Въ лѣтнее время около ручьевъ въ лѣсахъ желтѣли ячменныя поля на „новахъ“ (подсѣчная система), на полянахъ паслись комоля коровы Зырянъ и маленькія ихъ лошадки, окруженныя кострами, дымъ

которых защищал ихъ отъ овода, а собаки однѣ хранили скотъ отъ дикихъ звѣрей.

Но кромѣ этихъ земныхъ существъ, Зырянъ окружали невидимые духи—боги, которые играли чрезвычайную роль въ ихъ жизни. Небесный сводъ, украшенный звѣздами, былъ мѣстомъ обитанія бога “Ень” (значить Ень—небо, такъ думать можно потому, что вотское слово „ин“ означаетъ небо; и и е—звуки, замѣщающіе другъ друга въ зырянскомъ и вотскомъ языкахъ. Это замѣчаніе интересно въ томъ отношеніи, что западныя Финны не имѣютъ слова небо, которое у нихъ замѣняется заимствованнымъ отъ арійцевъ словомъ *taivas*). На небѣ же жили солнце и луна—боги и быкъ небесный—радуга (ошка—мѣшка); но эти боги были далеки отъ людей: болѣе близкими изъ нихъ были вѣрса „лѣсной хозяинъ“, его жена—йѣма, его дѣти, медвѣдь—ошъ, богъ рѣки—васа. Этимъ близкимъ богамъ приносились жертвы. Религія Зырянъ, конечно, очень интересна, но о ней я не говорю здѣсь подробно, такъ какъ пытался уже возстановить ее въ ст. „языческое міросозерцаніе зырянъ“. Однако въ этнологіи Зырянъ умѣстно вспомнить о своеобразномъ ученіи Зырянъ объ ортѣ—двойникѣ человѣка. Мужики изъ Шойнаты рассказывали мнѣ, что, когда человѣкъ приходитъ въ гости, за нимъ приходитъ его ортъ—тѣнь—двойникъ, такой же какъ онъ, въ такой же одеждѣ, какъ тотъ человѣкъ. Когда человѣкъ умретъ, ортъ еще продолжаетъ жить. Отецъ рассказчика умеръ, но люди видѣли его сидящимъ на мосту въ синемъ сукнѣ, на двойникѣ видѣли ту же бѣлую шляпу, тотъ же пестрый кушакъ, что онъ носилъ всегда.

Зыряне мушны проводили всѣ свои дни на охотѣ. Женщины занимались дома хозяйствомъ—пряжей и тканьемъ. Онѣ вели разговоръ о своихъ сосѣдкахъ, о колдуньяхъ и т. п. Въ ихъ словахъ сквозитъ недовѣріе къ сосѣдкамъ, мистическое отношеніе къ ихъ словамъ, боязнь порчи и проч. „Моя сосѣдка“, скажетъ одна изъ бесѣдующихъ: „вчера, встрѣтившись со мною спрашиваетъ, гдѣ дорога въ село Гамъ; развѣ она не знаетъ дороги? Я смолчала, надо было бы отвѣтить—Ен-керасо—т. е. дорога тамъ на божіихъ холмахъ. Тогда она поняла бы и оставила свои злые замыслы“.

Въ праздничные дни въ честь боговъ Зыряне на лыжахъ отправлялись въ гости верстъ за 100, за 200 и пили съ друзьями „суръ“ (пиво) и ѣли ячменный хлѣбъ и пироги изъ ячменнаго тѣста и шанги (лепешки, покрытая сметаной—чисто финскаго происхожденія). Лѣтомъ они въ маленькихъ лодочкахъ, съ шестами въ рукахъ, отправлялись по рѣкѣ на ярмарки. Управляясь шестами въ песчаное дно рѣки, они плыли вверхъ и внизъ, равно быстро достигали назначеннаго сборнаго мѣста, гдѣ, послѣ общаго моленія языческимъ богамъ (послѣ XIV в. христіанскимъ угодникамъ), приступали къ торговлѣ.

Такова была культура Зырянъ уже въ историческое время, до котораго можетъ насъ привести тщательное изученіе собственныхъ зырянскихъ названій вещей матеріальной культуры, и заимствованія словъ отъ русскихъ, хотя уже измѣненныхъ по законамъ перехода звуковъ русскаго языка въ звуки зырянскаго, а также и сопоставленіе культуры самыхъ глухихъ зырянскихъ мѣстъ—по рр. Вымп, Вишерѣ, Пожогъ, Локчимъ и т. д. съ образомъ жизни сосѣдей Зырянъ—Вотяковъ, Самоѣдовъ, Остяковъ. (Занимаясь возстановленіемъ хотя бы отдѣльныхъ штриховъ картины прошлой жизни зырянъ, я имѣлъ передъ собою результаты, къ какимъ пришелъ извѣстный финнологъ Алквистъ, написавшій книгу о древней культурѣ Финновъ. Но онъ, какъ мнѣ кажется, говоритъ о культурѣ вообще Финновъ и притомъ во времена, предшествовавшія появленію Русскихъ въ области Волги и Западной Двины. Съ точки же зрѣнія психологій народа не безынтересно знать его культуру уже въ историческія времена, считая эту культуру за факторъ, создающій психику племени. Поэтому, изслѣдовавши бытъ Зырянъ самыхъ глухихъ мѣстъ Вологодск. губ., я пытался здѣсь описать культуру Зырянъ уже поисторическую, сравнительно недавнюю, возникшую на общефинской почвѣ, но развивавшуюся уже въ характеристическія формы частно-зырянскаго образа жизни. Анализъ словъ—названій предметовъ домашняго и хозяйственнаго обихода былъ для меня дополнительнымъ методомъ въ этнографическимъ приѣмамъ изслѣдованія).

Теперь можно бы перейти къ тому, какую тенденцію могла имѣть въ психологій народа древняя культура Зырянъ, но появляется еще вопросъ, одна ли была культура въ области Вычегды и ея притоковъ? Не было-ли тамъ народа, живущаго рядомъ съ Зырянами, и не вліялъ ли этотъ народъ въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи на Зырянъ? Слѣдующіе факты и соображенія позволяютъ ставить этотъ вопросъ. Всѣ Зыряне говорятъ, что недалеко отъ Вишеры, отъ Эжола, около Кибры (въ 20-ти верстахъ отъ Устюга) имѣются древнія чудскія поля подъ сосновыми лѣсами, борозды ихъ замѣтны весьма ярко. Около Вишеры—холмъ кар-мылькъ, тамъ былъ найденъ желѣзный топорикъ и еще кое-что; около Шойнаты указываютъ „чудскія гумна“, около Эжола—чудскія могилы и поля. Народъ говоритъ, что Чудь сама себя хоронила въ землю, не желая принять христіанства. Она рыла огромныя ямы въ землѣ, на верху ихъ устраивала деревянную крышу, заваленную землею (у Алквиста, есть указаніе, что подобныя ямы служили для жилья въ зимніе морозы). Деревянная крыша устраивалась на одномъ столбѣ. Народная легенда утверждаетъ, что Чудь спускалась въ подобныя ямы, перерубая изнутри поддерживавшія крыши столбы, и тамъ встрѣчала смерть отъ обрушившейся тяжести. Смерть была имъ слаще, чѣмъ христіанство.

Чудскія поля по обширности превосходятъ пространство нынѣшнихъ земельныхъ угодій. Съ другой стороны старики говорятъ, что ростъ населенія идетъ быстро, что гдѣ раньше были отдѣльные дома, тамъ теперь деревни, что даже при ихъ жизни возникли новыя поселки и деревни (Визябожь). Какъ же согласовать большой районъ прежнихъ чудскихъ полей, принимая ихъ за зырянскія, съ малочисленностью прежняго населенія, которое, не смотря на довольно быстрый, по мнѣнію стариковъ, ростъ, и теперь занимаетъ пространство, не большее района чудскихъ полей. Подсѣчной системой и ошибочностью мнѣнію стариковъ можно кое-что объяснить, но необходимо всетаки допустить и передвиженіе населенія, разъ возникаютъ новыя села (Вильгортъ) и деревни. Есть впрочемъ и еще соображенія.— Названія рѣкъ не всѣ объяснимы изъ зырянскихъ корней, напр. Вымь по зырянски Емва, т. е. вода племени Емь, а Емь-племя западно-финское. Названіе рѣчекъ въ западной части Яренскаго уѣзда не совсѣмъ зырянскаго происхожденія: Дильмежь, Мадмась, Кижмола, Яреньга (слова Пинега, Онега, Югъ, по мнѣнію Веске, западно-финскаго корня). Нѣкоторыя имена рѣкъ въ Яренск. уѣздѣ чисто зырянскія: Керкаошъ, Урбашъ, Чорва. Такъ какъ по Сѣв. Двинѣ жили западн. финны: Ярокурье, Удима, Ускорье, Кивокурье, Тойма, Піянда, Пинега, Уйма и т. д., то возможно допустить, что въ Яренск. уѣздѣ, мѣстности Зырянъ, жили колонисты зап. Финновъ, оставившіе свои названія рѣкамъ и мѣстечкамъ въ этомъ уѣздѣ. Присоединимъ сюда еще два соображенія.— Камская земля (около Чердыни) по зырянски Комму (Коми—зырянинъ, муземля); какъ будто Чердынь и Пермь—родина Зырянъ. Второе:—Языки вотскій и зырянскій—два нарѣчія одного финскаго языка пермской группы. Вотяки живутъ въ Вятск. губ., Пермьки по Камь; поэтому нѣтъ ничего недѣльнаго въ допущеніи, что до VI—IX в.в. Зыряне жили въ области Камы, а область Вычегды была занята западно-финскими колонистами. Впослѣдствіи, съ паденіемъ Двинской земли, колонисты зап. финны (Чудь) ушли на западъ или погибли въ борьбѣ съ Русскими, а Зыряне перешли съ Камы на ихъ мѣсто, въ область Вычегды, можетъ быть, кое что заимствовавъ отъ уходящихъ финновъ для поднятія своего матеріальнаго благосостоянія. Если это такъ, то вопросъ о древней культурѣ усложняется необходимостью еще знать двинскую культуру западныхъ финновъ. Къ сожалѣнію, допущенія эти не могутъ выйти изъ области предположеній. Что же, дѣйствительно извѣстно, такъ это то, что съ XIV в. Зыряне жили уже одни въ области Вычегды, стоя на той ступени культуры, которую пытались мы нарисовать выше. Объ этомъ мы знаемъ изъ житія св. Стефана, епископа Пермскаго, написаннаго Ипифаніемъ Мудрымъ со словъ этого апостола Зырянъ.

Такимъ образомъ, оставивъ гипотезы, можемъ констатировать, что та

низкая ступень культуры, которая изображена въ этой главѣ, являлась факторомъ, дѣйствующимъ непрерывно на психику Зырянъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти или шести столѣтій, а такой факторъ достоинъ изслѣдованія.

Изолированная жизнь Зырянъ въ маленькихъ деревняхъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ избышекъ среди дремучихъ лѣсовъ, дѣйствовала постоянно въ томъ смыслѣ, что социальнымъ инстинктамъ не было возможности исторически развиваться. Никакой общественной жизни, не говоря уже о политической, не было у Зырянъ. Никакой организаціи, никакихъ войнъ, никакихъ воинвоггероевъ, влѣдствіе этого никакихъ богатырскихъ былинъ, какія имѣются даже у Остяковъ. Зыряне охотники, отчасти земледѣльцы, и болѣе ничего. Они жили отдѣльно другъ отъ друга въ сосновыхъ избышкахъ, читая заговоры и молясь лѣснымъ богамъ. Рѣдки бывали у нихъ собранія въ кумирницахъ, около священныхъ деревьевъ, для общей молитвы по зову кудесниковъ или туновъ.

Слѣдствія этой лѣсной жизни при мистическомъ недовѣріи другъ къ другу, при постоянныхъ сношеніяхъ съ тайнами природы и съ бродящими по лѣсамъ богами, ярко отмѣчены исторіей. Читая лѣтописи, житіе св. Стефана, вы нигдѣ не увидите, чтобы Зыряне противъ кого-либо составляли войско, на кого-либо нападали, недовольные чѣмъ-либо волновались, какъ это дѣлали Черемисы, робкіе Вотяки, у которыхъ есть поэмы и богатыри, немногочисленные вогулы, у которыхъ были князья. Въ лѣтописяхъ мы читаемъ нѣчто обратное. Новгородцы грабятъ Зырянъ, на послѣднихъ нападаютъ Вятчане (XIV в.), на Зырянъ же идутъ съ востока Вогулы со своимъ княземъ Асыки; Новгородцевъ на обратномъ пути бьютъ Устюжане, противъ Вогуловъ выходитъ чуть ли не одинъ св. Стефанъ, епископъ зырянскій, а о Зырянахъ ни слуху, ни духу; они, эти мѣткіе стрѣлки, смѣлые люди совершенно ничтожны въ гражданственномъ отношеніи. Ни общихъ протестовъ, ни богатырскихъ пѣсенъ, которыя возможны лишь при военныхъ столкновеніяхъ народа—ничего этого нѣтъ. У робкихъ Вотяковъ, физически болѣе слабыхъ, чѣмъ Зыряне, были большія войны съ новгородскими выходцами до основанія гор. Вятки и послѣ; у Вотяковъ поэтому имѣются сказанія о богатыряхъ, и это потому, что Вотяки жили общественной жизнью въ большихъ селеніяхъ и въ городахъ. Зыряне же во все время исторіи читали заговоры, охотничали, творили чары сосѣдъ надъ сосѣдомъ, деревня противъ деревни; у нихъ не было городовъ, не было князей. Это неразвитіе социальной жизни было, мнѣ думается, отчасти причиной и того, что язычество Зырянъ такъ скоро уступило христіанству, тогда какъ Вотяки до сихъ поръ не забыли началъ своего язычества; они и теперь въ лѣсахъ цѣлыми обществами молятся своимъ богамъ. Тоже самое можно сказать о Черемисахъ. Для психолога этнографа разъ-

яснить интересно, — эта гражданственная неразвитость, отсутствие общественных понятий и привычек имѣютъ ли мѣсто и въ нынѣшнемъ быту Зырянъ? — Да, имѣеть, не смотря на то, что русскіе болѣе, чѣмъ два столѣтія, вводятъ въ бытъ Зырянъ свои административные и общественные порядки. Зырянская мѣстность раздѣлена на волости, сельскія общества съ выборными порядками, съ волостными и сельскими сходами, со старшинами и старостами. Не углубляясь особенно въ жизнь Зырянъ, можно замѣтить, какъ социальная неразвитость, индивидуальная изолированность красною нитью проходятъ въ теперешней общественной жизни ихъ.

Не говоря уже о томъ, что у Зырянъ нѣтъ никакого самосознанія, никакого стремленія записать и сохранить памятники народной словесности, въ общественной жизни ихъ нѣтъ ничего стойкаго, опредѣленнаго. Плутство волостныхъ властей (старшины, судей) дѣло обычное; легкомысліе и неморальность волостныхъ и сельскихъ сходовъ, дѣлающихъ все „на вино“ — явленія самыя распространенныя. Зависть и злоба сосѣда къ сосѣду, обѣднаго къ богатому, суровыя расправы между собою, злоба молодыхъ противъ старыхъ, столкновенія между деревнями, вражда охотниковъ одной рѣчной системы съ охотниками другой — вотъ на какія категоріи явленій наталкивается этнографъ; семейныя привязанности тоже не велики. Сынъ, женившись, никогда не живетъ со своимъ отцомъ, а строитъ себѣ отдѣльный домикъ, заводитъ отдѣльное хозяйство. Обращеніе дѣтей и внуковъ съ безпомощными стариками самое жестокое. Ежечасно приводится одна и таже мысль: „не работающій не долженъ ѣсть“.

Малое развитіе социальныхъ отношеній связано съ малымъ развитіемъ морали. Индивидуальная изолированность и эгоизмъ тоже совмѣстныя явленія. Взаимопомощь у Зырянъ мало развита. Хотя у нихъ и есть т. наз. „помочи“, но, какъ указываетъ и самое слово, это едва ли не заимствованный отъ Русскихъ обычай. Какъ древняя культура дѣйствовала на развитіе языческаго мистицизма, мы уже говорили объ этомъ въ главѣ объ охотѣ и о вліяніи природы на человѣка. Здѣсь подчеркнули мы самое главное — неразвитость морально-социальной жизни у Зырянъ, совершенное отсутствіе на всемъ протяжении исторіи политической жизни, что объясняется изъ ихъ охотничьей культуры, изъ географической разбѣянности по маленькимъ деревушкамъ, по берегамъ большихъ рѣкъ, среди дремучихъ лѣсовъ сѣвера. Эта социально-моральная неразвитость есть въ свою очередь чрезвычайно сильный факторъ въ психической жизни народа. Онъ обнаруживается въ общественномъ неустройствѣ Зырянъ, въ ихъ семейной жестокости, въ враждебномъ и недоброжелательномъ отношеніи другъ къ другу крестьянъ одного и того же села и деревни. Это выражается еще и въ чрезвычайномъ равнодушіи Зырянъ, читающихъ русскія

и славянскія книги, въ книгамъ, написаннымъ по зырянски, въ совершенномъ отсутствіи писменнаго самосознанія, въ робости и непривычности къ дѣятельности общественнаго характера, въ чрезвычайной любви къ изолированной жизни, неспособности къ большимъ торговымъ оборотамъ, въ неумѣннн занять въ русскихъ областяхъ положеніе равное Русскимъ. Вездѣ проглядываетъ робость, неумѣнье ориентироваться въ общественныхъ отношеніяхъ, неспособность, при чрезвычайномъ терпѣннн и выносливости, стать въ полезное равенство съ болѣе развитыми въ гражданственномъ отношенн Русскими.

Однако такому антиобщественному вліянію образа жизни древнихъ Зырянъ на ихъ психику всегда противодѣйствовалъ въ значительной степени одинъ психо-физическій факторъ, о которомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Четвертый факторъ психического развитія — соматическія свойства народа.

а) Физическій типъ Зырянъ. Антропологическія (соматическія) особенности ихъ. б) Психическія свойства, какъ результатъ этихъ особенностей: темпераментъ, характеръ, особенности ума и чувствъ. Понятіе расы. Общій выводъ.

Каждый изъ насъ, читая о Татарахъ, Славянахъ, Финнахъ, думаетъ, что расы и племена рѣзко отличаются другъ отъ друга физически и, путешествуя между разными племенами, бываетъ недоволенъ, что въ сущности люди разныхъ племенъ по внѣшнему виду и внутреннему психическому складу мало отличаются другъ отъ друга. Всякій народъ, всякое племя имѣетъ самыхъ разнообразныхъ своихъ представителей. Племена отличаются одно отъ другого болѣе системой жизни, сложившейся исторически, природой мѣстности, міровозрѣніемъ, чѣмъ физическими свойствами. Во всемъ крупномъ, бросающемся въ глаза, въ основныхъ свойствахъ души разные племена и расы одинаковы. Философъ-путешественникъ можетъ быть утомленъ однообразиемъ явленій жизни и духа. Различіе же чаще въ колоритѣ жизни, въ сочетаннн красокъ и костюмовъ и пейзажей, въ своеобразнн религнн и поэзнн (чаще въ формахъ и образахъ, чѣмъ въ существѣ), отчасти въ обычаяхъ и учрежденнхъ.

Но такое мнѣніе о племенахъ складывается въ этнографъ-наблюдателѣ не безъ внутренняго протеста и только постепенно. Сначала же онъ ищетъ рѣзкихъ отличій одной расы отъ другой и въ первое время находитъ ихъ. Такъ относительно Зырянъ разные наблюдатели разное находятъ. Одни говорятъ, что Зыряне—смуглый народъ съ черными волосами, потому что онъ урало-алтайскаго племени, другіе, что онъ съ рыжими волосами, потому что

онъ финскаго племени. Клавдій Поповъ въ книгѣ о Зырянахъ приводитъ мнѣніе г. Куратова, который полагаетъ, что Зыряне—народъ, состоящій изъ двухъ типовъ: черноволосыхъ, безбородыхъ и русоволосыхъ съ большими бородами. Первые, по его мнѣнію, урало-алтайскаго племени, а вторые—помѣсь славянской и финской расъ.

Къ сожалѣнію для тѣхъ, кто ищетъ яркихъ признаковъ племенъ, Зыряне мало отличаются по внѣшнему типу отъ Русскихъ, такъ, какъ Черемисы и Чуваши. Въ такихъ случаяхъ больше работаетъ воображеніе и желаніе найти искомое. Отличія племени не велики и мало уловимы. При всемъ желаніи только два—три признака, и то колеблющихся, можно указать, которыми сколько-нибудь отличается Зырянинъ отъ Русскаго внѣшнимъ образомъ. Во 1-хъ, черныхъ и чисто рыжихъ нѣтъ или совѣмъ мало; двойственности типа не видно. Преобладающій типъ—средняго роста, широкоплечій Зырянинъ съ сѣрыми небольшими глазами, нѣсколько выдающимися скулами, съ русыми волосами и рыжеватой бородкой. Это ловкіе, крѣпкіе люди, подвижные, работающіе. Вотъ все, что можно сказать о внѣшнемъ видѣ, въ такому заключенію привело меня чуть не поголовное изученіе всѣхъ Зырянъ по селамъ и деревнямъ. А женщины еще менѣе отличаются по виду отъ русскихъ женщинъ, развѣ только ростомъ вообще ниже. Разница въ особенностяхъ міровоззрѣнія, въ характерѣ, въ чувствахъ,—это другое дѣло, разница въ порядкѣ жизни. Міръ психическій разнообразіе міра физическаго вообще.

Я видѣлъ Чувашъ, Черемисъ: если бы не ихъ костюмы и не языкъ, какъ отличить, что они не Русскіе? Поэтому въ предстоящей главѣ я хотѣлъ бы говорить не о внѣшнемъ видѣ, я о томъ, о чемъ говорилъ Шопенгауэръ въ такомъ приблизительно выраженіи—„глядите на человѣка, на его походку, на движеніе рукъ и ногъ, даровитый человѣкъ походитъ на арфу, онъ строенъ въ физической организаціи“. Я хочу сказать о такихъ физическихъ свойствахъ племени, которыя вліяютъ на его духъ. Такихъ физическихъ особенностей, я думаю, три главныя: размѣры тѣла, мускулатура и форма черепа. Сравните вы Малорусскаго крестьянина съ Зыряниномъ. Первый высокъ ростомъ и отличается медленными движеніями; Зырянинъ малъ ростомъ (средній ихъ ростъ ниже средняго русскаго центральныхъ губ.), подвиженъ, и это очень важное свойство. Сравните Татаръ-носильщиковъ на пристаняхъ съ Зырянами. Первые отличаются большимъ объемомъ тѣла и крупными членами, они тяжелы и неповоротливы; Зыряне имѣютъ малый объемъ и подвижны, они легки и мускулисты. И это въ психическомъ отношеніи опять очень важно. Зыряне сами сознаютъ свои отличія. Они говорятъ, что Зыряне—народъ малорослый, но удалый, Русскіе крупны, но не удалы. Старикъ изъ Шойнаты мнѣ рассказывалъ, какъ онъ, будучи малъ ростомъ, побѣждалъ въ борьбѣ крупныхъ

Русскихъ, и это такъ его увлекало, что разсказывая, онъ готовъ былъ вступить со мною въ схватку, хотя ему уже 79 лѣтъ. Ижемцы—народъ самый удалый, по мнѣнію крестьянъ, двинскій народъ—самый высокій и сильный, Вятчане—неповоротливы. Самоѣды малы, но отличаются сильными руками, которыя у нихъ развиваются отъ бросанія аркановъ. Вообще же говорятъ Зыряне, что по верховьямъ рѣкъ народъ мельче, по низовьямъ больше. Измѣренія (антрополог.) показываютъ, что средній ростъ Зырянина около 168,6 сант., а Русскаго не меньше 172,0; средній ростъ Зырянки около 156,0 сант. а Русской 160,0. Средній вѣсъ Зырянина около 4 пуд.; онъ поднимаетъ съ земли 4—5 пуд., а татаринъ несетъ на спинѣ десятки пудовъ.

Преждѣ чѣмъ перейти къ разбору свойствъ черепа, скажемъ, какія послѣдствія можетъ имѣть въ психологіи народа эти малые размѣры тѣла, отличающагося ловкостью и крѣпостью мышцъ. Я видѣлъ толпы Малороссовъ мирно сидящихъ на травѣ около бѣлой хатки и пьющихъ горилку, видѣлъ также пирующихъ Зырянъ—этотъ подвижной, мятежный народъ. Они говорятъ, борются, хвастаютъ, ни на минуту не вѣдая покоя. Подъ вліяніемъ паровъ алкоголя большинство Зырянъ имѣетъ легкій характеръ, часто буйный. Почему Зыряне вообще народъ мало уравновѣшенный, и малѣйшій грузъ дѣлаетъ ихъ неуравновѣшенными. У человѣка на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ мало солнечнаго свѣта, мало развиты центры самообладанія: онъ живетъ хотѣніями, рефлексами, инстинктами, между которыми нѣтъ согласія. Мысль о наживѣ—единственно контролирующая. Ослабнетъ она—человѣкъ валится въ бездну игры отдѣльныхъ центровъ нервной системы. Мнѣ кажется—Зыряне народъ болѣе вспыльчивый, чѣмъ русскіе. Онъ самолюбиво горячится въ спорахъ, готовый на дерзости, онъ неудержимо старается, во что бы то ни стало, побѣдить въ спорѣ противника, потому что знать, понимать для него важное дѣло, а главное потому, что аффектъ его всегда сильнѣе его разсудка. Зырянинъ думаетъ, что все умѣетъ дѣлать. Когда я раскрылъ географическую карту, хозяинъ изъ Шойнаты быстро сказалъ мнѣ, что онъ все понимаетъ по картѣ (на самомъ дѣлѣ, конечно, не такъ).

Можно думать эти свойства: быстрота возбужденія, быстрота реакціи, неудержимость—въ нѣкоторой степени результаты тѣлесной организаціи: подвижной мускулатуры при небольшомъ объемѣ тѣла. Нѣкоторые аффекты у Зырянъ какъ будто ярче и сильнѣе выражаются, чѣмъ у Русскихъ; это показываетъ даже филологія. Напримѣръ, для выраженія удивленія у нихъ множество сильныхъ выраженій—аттö зонмö, аттö дивö, эка паре, господи помилуй, сйö Христосöи и т. д. (Вообще рѣчь Зырянъ быстрая съ сильными удареніями на слогахъ при выразительной мимикѣ и жестикуляціи, но бываютъ рѣдкіе случаи чрезвычайно медленной рѣчи). Ловкій въ движеніяхъ, под-

вижный, энергичный Зырянинъ несомнѣнно отличается щегольствомъ, хвастливостью, смѣлостью въ физическихъ начинаніяхъ, самоувѣренностью. Для него разстояніи и трудности не существуютъ. Въ примѣръ того, до чего Зыряне подвижны, скажу, что на любомъ пароходѣ, идущемъ по Вычегдѣ, спросите вы ихъ, куда они ѣдутъ, и вы услышите, что эта баба съ сыномъ возвращается изъ Кіева, гдѣ была по обѣту. Вонъ тѣ молодцы—одинъ изъ Архангельска, гдѣ служилъ въ торговой конторѣ, другой изъ Ирбита, гдѣ онъ арендуетъ землю, вонъ два солдата изъ Владивостока и т. д. Затѣмъ изъ разговора Зыряны вы слышите: „здѣсь на заводѣ“, „у насъ на заводѣ“. Вы спрашиваете, гдѣ ихъ заводъ.—„Да здѣсь, кутимскій“. Оказывается, они говорятъ о Пермской губ. и ея заводахъ и такимъ тономъ, какъ будто это въ пяти верстахъ (на самомъ дѣлѣ 500 вер. и болѣе).

Мы говорили о вліяніи сравнительно малаго объема тѣла съ сильной мускулатурой на психику, быстромъ его реагированіи на явленія вѣшняго міра, о томъ также, что сильная мускулатура и быстрое реагированіе на вѣшнія событія порождаютъ отважность въ человѣкѣ съ одной стороны, съ другой—неумѣнье скрывать свои чувства и настроенія—однимъ словомъ о вліяніи тѣла на волю; теперь остается сказать о значеніи этихъ же физическихъ свойствъ въ развитіи ума и эстетическаго чувства, которыя играютъ большую роль въ общественной и домашней жизни.

Свойства быстро реагировать на явленія вѣшняго міра, содѣйствуя быстрой перемѣнѣ настроеній, обуславливаетъ также быстрое теченіе мыслей, быстроту сообразительности. Въ головѣ Зырянина, дѣйствительно, кипитъ всегда много разныхъ проэктовъ; за то рѣдко можно встрѣтить между ними глубокихъ людей.

Относительно эстетики мнѣ кажется, что быстро соображающіе люди со скорою смѣною аффектовъ болѣе способны къ музыкѣ, чѣмъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Въ звукахъ инструмента легче и быстрѣе можно выразить свои чувства, тогда какъ художественные образы созидаются не скоро во времени, и быстрота смѣны настроеній можетъ вредить ихъ цѣльности, какъ рябь воды на озерѣ искажаетъ образы деревьевъ, отражающихся въ немъ.

Теперь, говоря о третьемъ важномъ антропологическомъ свойствѣ—о геометрической формѣ черепа, я долженъ замѣтить, что изъ моихъ наблюденій приходится сдѣлать заключеніе, что длинно-головность (долихоцефалія) болѣе благопріятствуетъ послѣдовательности, предпріимчивости въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, чѣмъ иныя формы головы, что ясно очерченный, выпуклый лобъ, граничащій прямыми углами отъ остальныхъ частей головы, болѣе благопріятствуетъ высокому и тонкому интеллекту, тогда какъ круглая голова съ тупыми углами лба—болѣе говоритъ о низшихъ свойствахъ души.

Съ тенденціей къ долихоцефалии встрѣчается нѣсколько процентовъ между Зырянами, большинство же ихъ имѣютъ головы съ индексомъ 80 и 82. Судя о величинѣ головы въ пропорціи съ ростомъ, нужно сказать, что размѣры головъ у Зырянъ не уступаютъ Русскимъ.

Такимъ образомъ антропологическія особенности Зырянъ таковы, что народъ этотъ долженъ быть средне-предпримчивымъ, легко предающимся аффектамъ, увлекающимся, быстро сообразительнымъ, способнымъ болѣе къ музыкѣ, чѣмъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Это люди горячаго темперамента, быстро реагирующіе на внѣшнія событія, и думается мнѣ, что эти антропологическія (психо-физическія) особенности наиболѣе характеризуютъ расу урало-алтайскую. Вопреки мнѣнію многихъ, что мистицизмъ Зырянъ, ихъ суровость, любовь къ язычеству есть расовое свойство, полагаю, что не этимъ отличается раса. Мистицизмъ, отсутствіе пѣсенъ—это дѣло природы мѣстности и исторіи, т. е. свойства бытовыхъ, а вотъ темпераментъ—расовое. Не въ умѣ и чувствахъ мы должны искать племенныхъ отличій, а въ физиологіи, въ быстротѣ движенія крови. Правда, психическихъ разностей больше между народами, чѣмъ физическихъ, міръ психической разнообразіе міра тѣлеснаго, но душевныя особенности болѣе или менѣе можно объяснить колоритомъ мѣстности, исторіей и бытомъ народа, а психо-физиологическія качества труднѣе измѣняются. Мистицизмъ, отсутствіе пѣсенъ легко могутъ измѣниться, исчезнуть, но темпераментъ, большая или меньшая быстрота реагирования на явленія внѣшняго міра, объемъ тѣла, мускулиность—это болѣе простыя явленія и болѣе упорны въ своемъ постоянствѣ. Зыряне мнѣ кажутся болѣе юными, чѣмъ Малороссы или Русскіе; первые какъ бы юноши, а Малороссы, Татары возмужалые люди, и является вопросъ, не есть ли раса ступень въ эволюціи человѣка? Разныя племена остановились на разныхъ ступеняхъ біологическаго развитія, и получились расы, отличающіяся одна отъ другой не столько цвѣтомъ волосъ и глазъ, чертами лица и т. п., а большимъ или меньшимъ объемомъ тѣла, съ сильной или слабой мускулатурой, той или иной формой черепа и, въ связи съ этимъ, горячимъ или холоднымъ темпераментомъ, энергичнымъ или слабымъ реагированіемъ на внѣшнія возбужденія, степенью развитія задерживающихъ центровъ нервной системы. Болѣе же сложныя психическія особенности можно отнести къ разряду бытовыхъ и историческихъ явленій.

Указанныя антропологическія особенности Зырянъ имѣютъ ту же тенденцію, что и природа мѣстности и охота: онѣ способствуютъ развитію космополитизма, это съ одной стороны, а съ другой—способствуютъ уничтоженію характерныхъ признаковъ племени. Въ заключеніе главы нужно сказать, что четвертый факторъ, описанный здѣсь, ослабляетъ, по нашему мнѣнію, дѣйствіе

третьяго, т. е. вліянія на Зырянъ ихъ древней культуры. Тѣлесныя свойства Зырянъ таковы, что они дѣлаютъ ихъ народомъ подвижнымъ, хвастливымъ, самоувѣреннымъ и, слѣдовательно, въ нѣкоторой степени общительнымъ, стремящимся на арену общественной дѣятельности, чтобы всѣ видѣли его дарованія и умѣлое примѣненіе ихъ, тогда какъ древняя культура ихъ развивала въ своихъ сынахъ замкнутость, недоувѣріе и неуваженіе къ другимъ, нелюбовь ко всякимъ общимъ начинаніямъ. Въ силу этого этнографъ можетъ замѣтить нѣкоторую двойственность въ душѣ Зырянина; то онъ очень довѣрчивъ и наивенъ съ вами, считаетъ васъ своимъ другомъ, готовъ помогать вамъ въ вашемъ дѣлѣ, то, при малѣйшемъ поводѣ, становится замкнутымъ, угрюмымъ и молчаливымъ. Землемѣры, которымъ приходилось имѣть много дѣла съ крестьянами, рассказывали мнѣ, что Зыряне большихъ селъ и глухихъ мѣстностей—два разныхъ народа. Первые хитры, недоувѣрчивы, скупы и т. п. Вторые жители глухихъ мѣстъ—просты, наивны, гостепріимны, доброжелательны. Такъ одна крайность переходитъ въ другую у людей, въ душѣ которыхъ двойственность развита природою и жизнью.

Для полноты этнологическаго пониманія племени намъ необходимо еще разсмотрѣть культурное и промышленное вліяніе сосѣдей.

Г Л А В А Ү.

Культурное вліяніе сосѣдей—пятый факторъ психической жизни народа.

а) Вліяніе матеріальной культуры—въ земледѣліи, охотѣ, ремеслахъ. б) Сходство обычаевъ и правовъ Зырянъ съ обычаями и нравами XVI и XVII в.в. Московской Руси. в) Отношеніе къ Русскимъ, къ правительству; Балнѣ и Кузь-Исакъ. г) Взглядъ народа на Сибирь и ея притягательная сила.

Путешествуя по Вычегдѣ и ея притокамъ, вы видите села на высокихъ холмахъ съ бѣлыми церквями. Въ селахъ двухъ-этажные дома, съ свѣтлыми горницами, нерѣдко обшитые тесомъ и окрашенные въ разныя краски. Крыши на нихъ, чаще сельскія, двухгранныя, но нерѣдко и городского стиля, возвышаются четырехгранной пирамидой. Подъ вліяніемъ Русскихъ Зыряне забыли свои курныя избы съ „кумомъ“ и „картой“ и завели дома съ бѣлыми печами, съ свѣтилицами, съ чердаками. Зырянскій „гор“ преобразился въ русскую печь (пач) сначала безъ трубы (курная изба), а потомъ съ трубой. Русское слово печь видоизмѣнилось въ пач, слово горница—въ горнича, русское крыльцо—въ кильче (плавный звукъ съ согласнымъ невозможенъ въ зырянскомъ языкѣ: кры переходитъ въ ки). вмѣстѣ съ новыми предметами

появились совершенно новыя слова: взводъ, амбаръ, житникъ (житница), по-толокъ, чердакъ, стѣна и т. д. Замки, шарниры, въюшки—все заимствовано отъ русскихъ, какъ показываютъ слова: замѡкъ, юшка, кольча (кольцо), за-портъ; вообще въѣ предметы домашней утвари, какъ показываетъ филологія, взяты отъ Русскихъ. Слова: наберушка, чугунь, чашка, ухватъ, коколюка (чтобъ избѣжать кл, Зыряне всгавили между к и л, о) — въѣ русскія или видоизмѣненныя русскія слова. Обратно, т. е. отъ Зырянъ Русскими заимство-вано, насколько мнѣ извѣстно, мало словъ, слѣдовательно, мало и предметовъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ употребляются между русскими зырянскія слова: тујасъ (тујас), лыжа (лызя), пима (пима), малица (малича) и др.

Земледѣліе расширилось у Зырянъ послѣ знакомства съ Русскими. Кромѣ ячменя стали культивировать рожь, пшеницу (ржаной хлѣбъ—рудзег нянь; слово рудзег напоминаетъ roggen тоже рожь). Появились новые приборы: коса—горбушь, („литовки“ Зыряне до сихъ поръ не знаютъ), телѣга для своза хлѣбовъ съ полей на гумна, а для ѣзды — одноколки, тарантасы, для зимней ѣзды — повозки, розвальни („рѡзваль). Жизнь расширилась въ разныхъ направленіяхъ. — Кромѣ лѣсныхъ дорогъ (туй) появились береговые тракты (мір-туй). Измѣнились костюмы у Зырянъ. Женщины стали носить шушуны, сарафаны, а въ послѣднее время платья и кофты, мужчины узнали рочъ — кафтаны, шляпы, шапки сапоги и т. д. Все отъ рочъ (русскихъ) шло. Измѣнилась даже охота — стариннѣйшее занятіе Зы-рянъ. вмѣсто петель, силковъ, ловушекъ птицъ (чес) появились капканы, вмѣсто луковъ, самострѣловъ—настояція ружья. Усовершенствовались лѣсныя охотничьи избушки, превратившись изъ простой бани въ домики безъ оконъ, но съ трубой (а въ послѣднее время и съ окнами). Къ прежнимъ рыболов-нымъ снарядамъ прибавился встель. Появились ремесла—сапожное, плот-ничье, столярное и къ слову сказать, между Зырянами встрѣчаются очень искусныя столяры и рѣшники. Развилось кузнечное дѣло. Хотя Финны слави-лись, какъ кузнецы, но относительно зырянъ сомнительно, чтобы у нихъ были кузницы, потому что слово кузнича, мѡлѡтъ, наковальня, горнъ, мѣхъ—все русскія слова. Этотъ дикій народъ не зналъ вѣроятно кузнечнаго дѣла и научился ему отъ Русскихъ; хотя слово ковать „дорны“ зырянское, но однако этого слова слишкомъ недостаточно для предположенія, что у нихъ было правильное кузнечное дѣло. Есть основанія думать, что они умѣли лить, отливать металлическія вещи: по крайней мѣрѣ есть названіе формы, которая нужна для литья,—слово лу.

Все только что сейчасъ сказанное относительно кузнечнаго дѣла нужно считать однако лишь вѣроятнымъ, ибо одного филологическаго анализа, ко-нечно, недостаточно для рѣшенія вопроса. Относительно древнихъ музыкаль-

ныхъ инструментовъ у Зырянъ почти ничего нельзя сказать, хотя есть слово тулуду (свистулька) и гудювъ (гармоника). Второе слово гудокъ, вѣроятно заимствованное отъ русскаго слова гуды, самогуды. Тулуду намекаетъ на возможность существованія у Зырянъ чего-то вроде свистулекъ, свирѣлей. Теперешніе инструменты: бандура, скрипка, горилонъ (гармоника) заимствованы. Любовь народа къ гармоникѣ чрезвычайно велика: почти въ каждомъ селѣ имѣется мастеръ этого инструмента.

Не только нынѣшняя матеріальная культура Зырянъ — отраженіе русской, теперешніе обычаи и нравы ихъ во многомъ напоминаютъ русскую старину. Читая „Исторію русской культуры“ Милюкова, именно XVII-й в., я почувствовалъ, что читаю о нравахъ и обычаяхъ Зырянъ. Изучите ихъ религіозныя понятія, отношеніе къ угодникамъ божіимъ, ихъ обряды религіозные, гдѣ во всемъ вы видите смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, ихъ праздники, ихъ дѣвичьи хороводы, поющіе русскія пѣсни на старый ладъ, ихъ суевѣрія, святочныя гаданья и т. п., и все это напомнитъ XVI и XVII вѣка Московской Руси. Есть доля правды, мнѣ кажется, въ томъ, что, путешествуя по окраинамъ Россіи, мы можемъ наглядно изучать всѣ вѣка исторіи, мысленно вычитая племенные и климатическія особенности, характеръ жизни той или другой мѣстности. Нужно думать, что исторія не только во времени, но и въ пространствѣ расположена концентрическими кругами. Не говоря о томъ, что у Зырянъ гаданія въ зимній солнноворотъ почти тавія же, какъ и у Русскихъ (съ небольшими варіаціями) весенніе праздники напоминаютъ циклъ праздника весенняго солнцестоянія, что у нихъ сохранились имена языческихъ славянскихъ боговъ, напримѣръ, чуръ. (Чуръ-ти буди — выраженіе, хранящее человѣка отъ порчи), что заговоры Зырянъ часто тѣ же, что и у Русскихъ (хотя все это можно объяснить и безъ заимствованія или при очень маломъ заимствованіи, если допустимъ сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ зырянскаго и русскаго язычества, все же на фактъ сродства нельзя не указать). Я обращаю вниманіе на впечатлѣніе, испытываемое этнографомъ въ зырянской деревнѣ во время какого-нибудь лѣтняго праздника. — Крестьяне старые и молодые пьютъ пиво, гуляютъ по деревнѣ въ русскихъ кафтанахъ, дѣвушки въ красныхъ сарафанахъ составляютъ хороводы, поютъ русскія пѣсни съ припѣвами — ой люли, ой люли, да и т. д., поютъ такія пѣсни, гдѣ встрѣчается слово „буй-туръ“. Бродя между двухъ-этажными домами съ раскрашенными корнизамы, съ высокими крытыми крыльцами, развѣ не почувствуетъ русскій наблюдатель, что онъ въ XVI в. гдѣ-нибудь въ деревнѣ Московской Руси?

За неимѣніемъ мѣста подробно изслѣдовать, что именно чисто зырянскаго въ разныхъ обычаяхъ и обрядахъ, въ гаданіяхъ, въ празднествахъ, что

именно заимствовано отъ русскихъ, а только констатируя фактъ вообще заимствованія отъ русскихъ не только въ области матеріальной культуры, но и въ сферѣ бытовой, религіозно-бытовой, мы зададимъ себѣ вопросъ, имѣющій для насъ значеніе — какое имѣло вліяніе на психику народа то обстоятельство, что вмѣстѣ съ христіанствомъ съ новгородскими и устюжскими колоніями въ Пермскій край пришли и разные предметы домашней утвари и хозяйства, новыя формы одежды, новые обряды и обычаи? Это обстоятельство имѣло два послѣдствія: 1) удивленіе и благоговѣніе Зырянъ предъ всеѣмъ русскимъ и раздраженіе ему; 2) влеченіе въ южныя мѣстности, въ Русскимъ, въ привольную Сибирь, гдѣ „такъ все хорошо и умно и богато“. На каждомъ шагѣ чувствуется „это“ удивленіе русскому. Но какъ описать это чувство-удивленіе и дѣйствіе его на умъ и характеръ? Самое лучшее — прислушаться къ тому, что говоритъ народъ. Вотъ крестьянинъ изъ дер. Визябджъ смотритъ внимательно на фотографическій аппаратъ и спрашиваетъ, что это такое? Выслушавъ вашъ отвѣтъ, онъ восклицаетъ: „и чего, чего не придумаетъ Русскій?“ Дальше онъ бесѣдуетъ съ вами о городахъ на Руси. „Красивы города, красивъ Питеръ, какая музыка тамъ! ногъ не чувствуешь подъ собою, слушая ее“. Далѣе онъ вспоминаетъ Петра I, „и былъ же человѣкъ! Господи помилуй!“ Подобныхъ вопросовъ, восклицаній много можно наслышаться, если у изслѣдователя есть желаніе говорить съ Зырянами о русскихъ и „чудесахъ“. Фактъ удивленія и благоговѣнія предъ русскимъ легко констатировать. Еще очевиднѣе, какое дѣйствіе производитъ этотъ аффектъ на умъ и волю. При малѣйшей возможности Зырянинъ старается построить домъ, какъ у Русскихъ, одѣться въ ихъ костюмъ, а умѣнье говорить по русски онъ ставитъ такъ высоко, что владѣющаго этимъ искусствомъ называютъ „кыла—мортъ“, т. е. человѣкомъ съ рѣчью, съ языкомъ, для котораго все открыто—книги, законы, суды и т. п. О политическихъ событіяхъ и войнахъ Русскихъ съ другими народами Зырянинъ рассказываетъ съ восторгомъ. Вотъ мужичекъ изъ Ыджыдъ-видзъ вспоминаетъ севастопольскую войну. „Да, три милліона было войска; полтора положили голову; девять милліоновъ семействъ осталось. Каждому семейству по 500 руб. дано. На память крѣпость не починяли—сраженіе было очень велико. Если бы вовсе не починили, Французу дорого бы пришлось. Но царь укрѣпилъ: подати увеличились; иначе все стало бы открыто“.

Уважаая культуру, народъ относится съ довѣріемъ къ начальству, особенно къ высшему, — „чѣмъ выше, тѣмъ больше правды“. Въ примѣръ тому, какъ полезно подчиняться начальству и какъ губительно не подчиняться, отцы рассказываютъ своимъ дѣтямъ объ Ижемцахъ и Устькуломцахъ. Для доказательства любви Гѣлага Царя къ Зырянамъ рассказывается исторія Кузь-

Исака. Эти краткіе рассказы описываютъ намъ чувства Зырянина къ правительству и Царю, отъ котораго исходитъ такъ восхищающаѣ ихъ культура.

При Императорѣ Николаѣ I принуждали Ижемцевъ (Зырянъ печерскихъ) строить мостъ черезъ Мезень. Они отказывались. Когда губернаторъ черезъ исправника принуждалъ подписываться къ бумагѣ, которою они обязывались построить мостъ, ижемцы подписывались, исполняя волю начальства, но затѣмъ подавали прошеніе выше, что мостъ строить они не могутъ. Дѣло дошло до того, что Архангельскій губернаторъ послалъ войско съ пушкой, Ижемцы послали ходока съ самому Царю. Царь, узнавши о происходящемъ, велѣлъ пушку остановить въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее застанутъ, за 100 верстъ отъ Ижемцевъ она была задержана (и тамъ до сихъ поръ остается). Царь послалъ въ Ижму чиновника. Тотъ, прибывши, велѣлъ всѣмъ ижемцамъ собраться на слѣдующій день и отправиться на постройку моста. Ижемцы на другой день явились тысячами, на лошадахъ и пѣшіе съ топорами, съ пилами, готовые идти на работу. Чиновникъ, увидавши такую покорность, сказалъ имъ: идите по домамъ, вамъ не нужно моста строить.

Устькуломцы (вычегодскіе Зыряне) волновались въ ту же пору относительно „вотчины“. Они били начальство: исправника, губернатора. Пришло войско, вызвали ихъ на рѣку, на ледъ и всѣхъ пересѣкли розгами. Такъ было наказано неповиновеніе начальству.

Дѣла Ижемцевъ и Устькуломцевъ велъ Балинъ, крестьянинъ изъ Шожима. Ижемцы его слушались, а Устькуловцы вѣтъ. Слава Балина очень велика въ народѣ. Про умнаго человѣка говорятъ: „ты какъ Балинъ“.

Ижемецъ Кузь-Исакъ былъ у Императора Александра II, привезъ ему подарки: малицу, нимы, 10 оленей, а отъ Царя получилъ въ подарокъ золотыя часы. Кузь-Исакъ останавливался съ юртами на р. Невѣ, но огонь развести ему было запрещено. По повелѣнію Царя, онъ на возвратномъ пути на каждой станціи подписывался: „здѣсь проѣхалъ благополучно Кузь-Исакъ“. Такъ дѣлалъ онъ потому, что у него было много враговъ. Былъ онъ въ дружбѣ съ Царемъ и видѣлъ его еще два раза.

Слушая подобныя рассказы изъ устъ народа, вы убѣждаетесь, какъ относится Зырянинъ къ Русскому, какія чувства питаетъ онъ къ Бѣлому Царю.

Второе слѣдствіе культурнаго вліянія Русскихъ—это влеченіе Зырянина въ „ширскія мѣста, на югъ и на востокъ“. На западъ его мало тянетъ. Онъ стремится „въ привольную, хлѣбородную, съ хорошими дугами Сибирь“. Подъ Сибирью Зырянинъ разумѣетъ Вятск. губ., Чермскую, Тобольскую. Молодыя дѣвушки сотнями отправляются въ Вятку, чтобы нажить приданое, поучиться русскому языку, усвоить лучшій образъ жизни и, затѣмъ вернувшись на родину съ удовлетворенною любознательностью, разумно выйти за-

мужъ. Молодые люди отправляются въ Пермь, Кунгуръ и далѣе, чтобы найти новые пути жизни, посмотрѣть „обширныя мѣста“. Не только грамотные и ловкіе, но и неграмотные и немудрые бѣгутъ въ южные и восточные края, отъ Вятки до гор. Таръ, стараясь заняться на этомъ пространствѣ какими-либо промыслами или арендованіемъ земли. Вернувшись, нѣкоторые изъ нихъ приносятъ новыя знанія въ ремеслахъ, новыя пѣсни, мудрость жизни въ новыхъ сказкахъ. Эти люди и солдаты—культуртрегеры зырянъ. Черезъ нихъ идетъ все русское, начиная съ ремеслъ и одежды и кончая сказками.

Оба эти слѣдствія вліянія русской культуры: удивленіе и подраженіе ей и влеченіе на югъ и востокъ имѣютъ тенденцію уничтожить расовыя, климатическія и историческія особенности въ жизни Зырянъ. Вопреки мнѣнію Клавдія Попова, утверждавшаго, что Зыряне очень любятъ свою родину и домашній очагъ, они съ большою легкостью оставляютъ „родной уголь“ и довольно быстро забываютъ старину; въ этомъ отношеніи Вотяки и Черемисы несравненно упрямѣе въ своемъ языческомъ міровоззрѣніи и старыхъ обычаяхъ, чѣмъ впечатлительные и подвижные Зыряне.

Такъ пятый факторъ психической жизни въ союзѣ со вторымъ и четвертымъ (охота и соматическія особенности) старается вывеллировать жизнь зырянской окраины въ противовѣсъ первому и третьему факторамъ душевнаго развитія народа.

ГЛАВА VI.

Шестой факторъ, измѣняющій психическій складъ народа — промышленность.

- а) Старое и новое поколѣніе, б) Заводская промышленность въ Пермск. губ. и ея вліяніе.
с) Лѣсной промыселъ по отношенію къ земледѣлію и охотѣ.

Большая разница между дѣдами и внуками у Зырянъ. Дѣды были звѣроловы, колдуны, мистики, пѣвцы. Внуки—рабочіе у лѣсопромышленниковъ, дровосѣки пермскихъ заводовъ. въ ихъ душѣ мало мистицизма и совсемъ нѣтъ поэзіи. Вино и гармоника ихъ услада. Матеріальное благосостояніе—вогъ ихъ идолъ. Въ ихъ устахъ уже нѣтъ осмысленной старины, иная духовная пища насыщаетъ ихъ сердце, рассказы и пѣсни заводскаго люда, солдатскіе анекдоты. Невольная грусть охватываетъ васъ, когда смотрите на молодыхъ людей, этихъ „внуковъ“. Они одѣты въ пиджаки, брюки, калоши, ихъ рѣчь цестритъ русскими словами. „Красоты“ заводской жизни—табакъ, вино, дешевое щегольство весьма имъ милы и понятны. Они франты,

они умны, они горды. Каждый изъ нихъ думаетъ завести себѣ двухъ-этажный домъ и, если возможно, торговлю. Но вамъ становится грустно, и невольно вы спрашиваете: для чего эти молодые люди тутъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ, вдали отъ всего того, что имъ мило, отъ центровъ культуры и промышленности. Что общаго между суровымъ климатомъ, дремучими лѣсами и этими молодыми щеголями? Въ старину Зыряне были звѣроловами. Охота и ея поэзія, мистцизмъ—вотъ что связывало ихъ съ угрюмыми лѣсами, съ снѣжными сугробами, съ таинственными завываніями вѣтра. Ихъ одежда, ихъ типъ, ихъ сосновыя избушки, все соотвѣтствовало румяному солнцу въ суровые зимніе дни, очарованнымъ морозомъ лѣсамъ, полнымъ дневныхъ звѣрей... А нынѣшнія поколѣнія? для чего живутъ они на сѣверѣ? что въ нихъ сѣвернаго? Гармонія нарушена между человѣкомъ и природою, и не стало смысла его существованія. Отчего все это такъ? или люди, какъ и лѣса ихъ окружающіе, выродились, измельчали? Есть причины, на которыя можно указать, въ силу которыхъ лѣса и люди измѣнились. Волны, идущія отъ центра къ окраинамъ, волны промышленности измѣнили жизнь на сѣверѣ.

Въ прежнія времена тоже была нѣкоторая промышленность на сѣверѣ, но она была другого рода. Зыряне отправлялись зимою въ Пермск. губ. и по рѣкамъ Чусовой и Камѣ, весною сплавляли желѣзо съ Уральскихъ горъ въ приволжскія мѣстности, а сами возвращались на родину пѣшкомъ черезъ Вятск. губ. Другіе раннею весной поднимались вверхъ по Сысолѣ и Лузѣ, нагружали тамъ барки вятскимъ хлѣбомъ и сплавляли внизъ по р.р. Сысолѣ, Лузѣ, Вычегдѣ, Двинѣ въ Архангельскій портъ. Эти большія барки не мало тогда удивляли народъ. Цѣлыя толпы стояли на берегу около деревень и съ любопытствомъ глядѣли на „бѣлыя большія лодки“. Изъ Архангельска Зыряне пѣшкомъ съ большими катомками на плечахъ возвращались домой. И въ жизни народа никакихъ перемѣнъ не было. Земледѣліе, рыболовство, охота все же были главными занятіями. Старинные обычаи, обряды, пѣсни, сказки—все неизменно хранилось, какъ нѣчто священное. Теперь же только по р. Пожогъ главнымъ образомъ занимаются охотой, въ селѣ Эжомѣ исключительно земледѣліемъ и рыболовствомъ, а остальные мѣстности заняты сплавомъ лѣса и рубкой дровъ на заводахъ Пермской губ. (Вогословскій, Кутимскій и др.). Приквѣщники лѣсопромышленниковъ Архангельской губ. лѣтомъ нанимаютъ народъ на рубку и сплавъ строеваго лѣса. Сотнями и тысячами осенью, при первыхъ морозахъ, идутъ Зыряне въ дремучіе боры, указанные имъ „лѣснымъ начальствомъ“, продавшимъ лѣсъ промышленникамъ, и здѣсь всю зиму рубятъ и возятъ къ берегамъ рѣкъ огромныя сосны—красу страны. Трудъ въ высшей степени тяжелый. Работа происходитъ по грудъ въ снѣжныхъ сугробахъ; ночи проводятся въ еловыхъ шалашахъ у огня, гдѣ сушатся

и грѣются. Такимъ образомъ вся зима проходитъ внѣ дома, въ трудѣ, отнимающемъ здоровье у человѣка. Другая часть Зырянъ, послѣ полевыхъ работъ и осенней охоты, въ лодкахъ отправляется вверхъ по Вычегдѣ, по Екатерининскому каналу, мимо Чердыни, по Камѣ на пермскіе заводы. Здѣсь тоже въ дремучемъ лѣсу они рубятъ дрова и пилятъ ихъ для заводовъ. Жизнь опять проходитъ въ лѣсу, въ сосновыхъ шалашахъ (безъ передней и задней стѣны), гдѣ постоянно горитъ огонь на очагѣ, или топится печь. Возвратившись отсюда весной, на лѣто занимаются сплавать лѣсъ по рѣкамъ Выми, Вишурѣ и т. д. къ Ускорью. Въ заводскихъ работахъ участвуютъ и дѣвушки. Хорошій работникъ зарабатываетъ около 100 руб. отъ рубки лѣса, да отъ заводскихъ дровъ 100—150 руб. Конечно, деньги это хорошія, и увлекающийся народъ сталъ не такъ усерденъ къ земледѣлію, забываетъ охоту, отвыкаетъ отъ домашняго очага, разучивается говорить по зырянски, грубѣетъ въ нравахъ отъ знакомства съ заводской жизнью. Развилась любовь къ алкоголю, не стало прежней вѣрности дому и семьѣ, съ молодыхъ лѣтъ сталъ народъ страдать головными болями, грудными болѣзнями. Многіе потеряли любовь къ родинѣ, уваженіе къ старымъ обычаямъ, стали презирать медленные пути обогащенія, каковы, напр., трудъ земледѣльца; въ душѣ подрастающаго поколѣнія, воспитаннаго русскимъ заводскимъ людомъ, не стало прежняго идеализма, развившагося въ дремучихъ лѣсахъ подъ вліяніемъ языческой миеологии и началъ христіанства. Народъ сталъ матеріалистъ. Богатство и сила—вотъ его боги. Дома, окрашенные въ разные цвѣта, красивыя сани, телѣга съ коробомъ, блестящая сбруя—вотъ что на умѣ у молодого крестьянина; онъ суровъ и безпощаденъ по отношенію къ отцу, онъ завистливъ по отношенію къ сосѣдямъ, онъ не покоенъ, религія мало его утѣшаетъ.

Что будетъ далѣе съ Зырянами, когда у нихъ порѣдѣютъ лѣса, упадетъ охота, обмелѣютъ рѣки, рыбы, напуганныя пароходомъ, уйдутъ въ море, заводы и фабрики замедлятъ появиться въ этихъ краяхъ, что будетъ съ ними, живущими вдали отъ правосудія и центровъ умственной жизни? Что тогда свяжетъ ихъ съ сѣверомъ? Зачѣмъ жить человѣку на Вычегдѣ, гдѣ нѣтъ волшебныхъ лѣсовъ, вдали отъ цивилизаціи, школъ и дорогъ,—отчего не жить ему въ южной части Сибири, гдѣ теплѣе и лучше?

Заключеніе.

Такъ пытались мы въ краткихъ чертахъ показать аналитически, какъ шесть факторовъ вліяли въ отдѣльности на психическій складъ народа, создавая въ немъ разныя особенности религіозныя и бытовыя. Маленькій народъ, брошенный рукою судьбы въ дремучія дебри сѣвера, въ страну, гдѣ лучи солнца падаютъ подъ угломъ 30°, долженъ былъ вдали отъ цивили-

заціи вести подвижную жизнь охотника. Живя въ краю, гдѣ мало солнечнаго свѣта, а также, можетъ быть, по какимъ-нибудь неизвѣстнымъ причинамъ, которыя создаютъ расовыя отличія, Зыряне, надо допустить, съ самаго начала исторіи были народомъ впечатлительнымъ, экспансивнымъ, со слабыми задерживающими центрами нервной системы и воли. Охотничья же жизнь еще увеличивала ихъ природную подвижность. Но жизнь охотника и земледѣльца, который свѣтъ только ячмень, какъ это было у Зырянъ въ старыя времена, и воздѣлываетъ свои поля скороспѣшно, въ краткое трехмѣсячное лѣто, такая жизнь, способствуя подвижности и предприимчивости едва ли могла развивать стойкость и послѣдовательность. Напротивъ, здѣсь получается такая картина, что человекъ нѣкоторое время работаль быстро и скоро, а затѣмъ продолжительно отдыхалъ или брался за другое дѣло. Предприимчивости послѣдовательной ничто не развило въ Зырянахъ. Добавить къ этому, что древняя культура Зырянъ поддерживала въ нихъ разобщенность, развивала неспособность къ общимъ начинаніямъ, и мы поймемъ, почему Зыряне кажутся энергичными, а въ сущности малаго достигаютъ.

Малорезультатность частныхъ и общихъ начинаній отчасти также обязана и тому, что у Зырянъ нѣтъ своей интеллигенціи, благодаря однообразію и однолинейности жизни, какъ это видѣли мы въ I главѣ.

Вотъ на такой то равно-умный народъ, впечатлительный, увлекающійся, предприимчивый, но не послѣдовательный, скоро начинающій и скоро кончающій, нахлынула русская культура, принеся съ собою множество предметовъ, неизвѣстныхъ до того времени Зырянамъ. Въ средѣ впечатлительныхъ увлекающихся людей при слабомъ развитіи центровъ самообладанія, эти новыя вещи стали предметомъ тщеславія или зависти. Людей, не склонныхъ къ сложной общественной жизни, не довѣряющихъ другъ другу, русская администрація соединила въ волости, въ сельскія общества, но, конечно, внутренней соціальной жизни дать не могла. И въ сельскихъ обществахъ Зыряне живутъ изолированно, мало другъ другу помогая, не имѣя въ виду никакихъ общихъ улучшеній.

Но русская культура сдѣлала свое дѣло, она произвела глубокое впечатлѣніе, она увлекла сотни и тысячи зырянъ въ Вятскую губ. и въ Сибирь. Любовь къ родинѣ, къ домашнему очагу не была настолько сильною, чтобы удержать ихъ на своей территоріи. Въ Вятской губ., въ Сибири въ какомъ положеніи будутъ люди, менѣе способные къ общественной жизни, чѣмъ ихъ конкуренты (русскіе), люди съ мистическими понятіями о природѣ и человекѣ, съ малымъ знаніемъ ремесль, которыхъ вдобавокъ стала мучить тоска по родинѣ (любовь къ ней все же есть, велика ли, мала ли), по роднымъ лѣсамъ, по охотѣ въ вольныхъ чащахъ; и вотъ многіе, съ раздвоенной душой, возвращаются обратно на родину, иные предаются алкоголю.

Что дѣлается на родинѣ?—Сюда вторглась промышленность, общающаяся большія и скорыя деньги. Пермскіе заводы съ рубкой лѣса, непремѣнно съ рубкой дровъ, потому что ни на что другое неспособны некультурные Зыряне, не имѣющіе никакого технического образованія и никакой интеллигентной помощи,—такъ эти заводы, прикащики архангельскихъ лѣсопромышленниковъ увлекли толпы людей, оторвавъ ихъ отъ сохи и охотничьяго ружья. Зыряне, конечно, не стали богаче отъ сплава лѣса, но отвыкли отъ домашняго очага, многіе потеряли здоровье, многіе приучились къ пьянству.

Увлекающійся народъ, не имѣющій знанія жизни, послѣ неудачныхъ попытокъ вѣн родину, требуетъ что-нибудь создать столь же поспѣшно дома, на родинѣ, между своими. Заводится торговля, строится заводъ; но и здѣсь поспѣшная предпріимчивость и отсутствіе послѣдовательности, и здѣсь отсутствіе взаимопомощи, хвастливость, зависть, недоувѣріе, неразумная подражательность: торговля прекращается по безденежью, заводъ закрывается за неимѣніемъ кредита. Ни одинъ купецъ изъ Зырянъ не имѣетъ купцомъ же дѣда,—быстро поднимаются и быстро опускаются. Обыкновенно сынъ, въ своихъ увлеченіяхъ, въ жадѣ неизвѣданныхъ благъ культуры, растрчиваетъ деньги отца и впадаетъ въ прежнее состояніе или же топить свои неудачи въ винѣ, не имѣя возможности за что нибудь приняться въ однообразной средѣ своихъ соплеменниковъ. Преданныхъ алкоголю чрезвычайно много между Зырянами, благодаря впечатлительности ихъ, отсутствію послѣдовательности и однолинейности жизни. Сложилась даже поговорка: „непьющій—золото, даже дороже золота“, „непьющій не имѣетъ цѣны“ и т. п.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ совмѣстное дѣйствіе вышеобозначенныхъ факторовъ на психику Зырянъ. Но разныя стихіи, или факторы, какъ мы ихъ называемъ, не могутъ быть постоянно въ борьбѣ между собою. Религіозная двойственность постепенно исчезаетъ въ народѣ подѣ влияніемъ церкви и чтенія книгъ Св. Писанія. Съ увеличеніемъ числа школъ распространяется грамотность, и становятся доступными книги, проясняющія сложное, запутанное міровоззрѣніе безграмотнаго человѣка, унаследовавшаго отъ предковъ традиціи, противорѣчащія принципамъ современной жизни. Неудачныя предпріятія на родинѣ и вѣн ея научаютъ народъ осторожности и даютъ свѣдѣнія о положеніи вещей. Такъ постепенно дѣйствія разныхъ факторовъ, вліявшихъ на развитіе Зырянъ, приходятъ въ гармонію. Нужно признать, что происходитъ это очень медленно; отсюда неизбѣжнымъ является заключеніе, какъ терпѣливо и снисходительно нужно относиться къ проявленіямъ старыхъ традицій и понятій, хотя бы и языческихъ у инородцевъ. Инородцы—народъ „безъ головы“, а двоувѣріе лишь медленно можетъ быть видоизмѣнено въ истинно-христіанское вѣроученіе.